

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 1(11) / 2017

ЗАРЕГИСТРИРОВАН В МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77–57507 от 27.03.2014

ИЗДАЕТСЯ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. МАЙОРОВ

кандидат юридических наук, доцент

ВЫПУСКАЮЩИЙ

РЕДАКТОР

Е. К. СОГРИН

ВЕРСТКА

А. Е. ШРАЙБЕР

КОРРЕКТОР

В. С. ФЁДОРОВ

ПЕРЕВОД

М. А. МАРТЫНОВА

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «ЭСКУЭЛА»

**ООО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»**

РЕДАКЦИЯ, ИЗДАТЕЛЬ:

Россия, 454080,

г. Челябинск, а/я 12550

Тел./факс: 8 (351) 231-09-91

E-mail: victimology@mail.ru

www.victimo.ru

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной и иной собственности несут авторы публикуемых материалов

Журнал индексируется в наукометрической базе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – elibrary.ru.

Полнотекстовые версии статей, опубликованных в журнале размещены в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» – cyberleninka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

П. А. КАБАНОВ

доктор юридических наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ:

Ю. А. ВОРОНИН

доктор юридических наук, профессор

Е. В. АНДРИЕНКО

доктор педагогических наук, профессор

К. В. ВИШНЕВЕЦКИЙ

доктор юридических наук, профессор

Я. И. ГИЛИНСКИЙ

доктор юридических наук, профессор

Н. И. ИОГОЛЕВИЧ

доктор психологических наук, профессор

В. Е. КВАШИС

доктор юридических наук, профессор

Р. А. САБИТОВ

доктор юридических наук, профессор

З. Р. ТАНАЕВА

доктор педагогических наук, доцент

П. Н. ФЕЩЕНКО

кандидат юридических наук, доцент

Э. Г. ЮЗИХАНОВА

доктор юридических наук, профессор

VICTIMOLOGY

No. 1(11) / 2017

THE JOURNAL IS REGISTERED IN MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND MASS MEDIA
CERTIFICATE ПИ No. ФС 77–57507 of March 27, 2014
THE JOURNAL IS PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CHIEF EDITOR

A. V. MAYOROV
candidate of law sciences,
associate professor

MANAGING EDITOR

E. K. SOGRIN

PAGE-PROOFS

A. E. SCHREIBER

PROOFREADING

V. S. FEDOROV

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA

THE FOUNDERS:

LLC «ESCUELA»

**LLC «SOUTH-URAL LAW BULLETIN»
EDITORIAL OFFICE:**

Russia, 454080,
Chelyabinsk, p. o. 12550
Phone/fax: 8 (351) 231-09-91
E-mail: victimologiy@mail.ru
www.victimo.ru

The authors of the published materials are responsible for the authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information, as well as for compliance with the intellectual property law

The journal is indexed in neurometricstion database of the Russian index of scientific citation (RISC) – elibrary.ru.

Full-text versions of articles published in the journal posted in the scientific electronic library «Cyberleninka» – cyberleninka.ru

EDITORIAL BOARD:

CHAIRMAN:

P. A. KABANOV
doctor of law sciences, associate professor

VICE-CHAIRMAN:

Yu. A. VORONIN
doctor of law sciences, professor

E. V. ANDRIENKO

doctor of pedagogical sciences, professor

K. V. VISHNEVETSKIJ

doctor of law sciences, professor

YA. I. GILINSKY

doctor of law, professor

N. I. IOGOLEVICH

doctor of psychological sciences, professor

V. E. KVASHIS

doctor of law, professor

R. A. SABITOV

doctor of law sciences, professor

Z. R. TANAEVA

doctor of pedagogical sciences, associate professor

P. N. FESHCHENKO

candidate of law sciences, associate professor

E. G. YUZIKHANOVA

doctor of law sciences, professor

В НОМЕРЕ

Колонка редактора 5

ЛИЧНОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ

УТКОВ П.Ю.

Значение психологической помощи в разрешении проблемы виктимного поведения младших школьников. 7

ТРОФИМОВА Г.А.

Принципы, заложенные в законе, как детерминанты формирования лиц с девиантным поведением 16

ЮРОВА К.И.,

ЮРОВ И.А.

Психология виктимного поведения молодежи 23

ВИКТИМОЛОГИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

ИЛЬЮК Е.В.

Виктимность рождается в семье (о жертвах incesta) 27

КАБАНОВ П. А.

Статистическое измерение криминальной виктимности мигрантов в современной России 36

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

ДУНАЕВА О.Н.

Правовые аспекты профессиональной подготовки и психологические качества водителя как факторы обеспечения безопасности на участниках дорожного движения. 43

КАЛАШНИКОВ О.Д.

Виктимологическая профилактика — перспективное направление в борьбе с преступностью на современном этапе 49

ПРАКТИКА

МАЙОРОВ А.В.

Состояние криминогенной виктимизации на территории Уральского федерального округа в период 2010 - 2016 гг. 54

РЕКЛАМА

. 65

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления рукописей статей в научный журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 69

IN THIS ISSUE

Editor's column5

PERSONALITY AND CRIME

UTKOV P. YU.

The value of psychological assistance in resolving the problem of victim behavior of elementary school children7

TROFIMOVA G. A.

The principles laid down in the law as the determinants of the individuals with the deviant behavior.16

YUROVA K.I.,

YUROV I.A.

Psychology youth victim behavior.23

VICTIMOLOGY OF CRIME

ILYYUK E. V.

Victimization is born in the family (incest)27

KABANOV P. A.

Measurement of criminal victimization of migrants in contemporary Russia.36

CRIME PREVENTION

DUNAEVA O. N.

Legal aspects of training and psychological qualities of the driver as the factors of security road users.43

KALASHNIKOV O. D.

Victimological prevention – a promising direction in the fight against crime at the present stage49

PRACTICE

MAYOROV A.V.

State of criminogenic viktimization on the territory of the Ural federal district in the period 2010-201654

ADVERTISING

.....65

INFORMATION FOR AUTHORS

Terms of manuscripts of articles in the scientific journal «VICTIMOLOGY»69

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Рады представить Вам очередной номер нашего научно-практического журнала «Виктимология» 1(11) / 2017.

В первой рубрике журнала «Личность и преступность» представлена статья кандидата педагогических наук П.Ю. Уткова «ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ», которая посвящена актуальной проблеме – вопросам психологической помощи в разрешении проблемы виктимного поведения младших школьников. В исследовании автор отмечает, что «Криминальная агрессия, с точки зрения педагогической психологии, оценивается как оценка поведения родителей к детям». При этом в заключении высказана авторская позиция о том, что если семья в системе ценностей не имеет в структуре отношений способность обезопасить и мотивировать ребенка на приобретение эколого-экономических образцов, то в данном случае задача муниципалитета состоит в том, чтобы создать условия, при которых бы была возможность предоставить право родителям выбирать целесообразность собственного поведения, адекватного требованиям среды.

Следующая статья в этой рубрике подготовлена экспертом научно-исследовательского объединения «Правовая инициатива» Г.А. Трофимовой по теме «ПРИНЦИПЫ, ЗАЛОЖЕННЫЕ В ЗАКОНЕ, КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЦ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ». В статье отмечается, что обеспечение внутренней безопасности является одной из значимых проблем российского государства. Автор утверждает, что для ее решения наиболее целесообразным подходом видится предотвращение самой возможности формирования лиц с девиантным поведением. При этом какие негативные принципы системы воспитания заложены отечественным законодательством, и попытался выяснить автор статьи на примере анализа норм Федерального закона «Об образовании в РФ». В заключении автором отмечено, что основными установками формирующейся личности должны быть активная жизненная позиция, уважение прав других людей и направленность на осуществление социального позитивной личности.

Далее в данной рубрике опубликована статья, подготовленная кандидатами наук К.И. Юровой и И.А. Юровым «ПСИХОЛОГИЯ

ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ», в которой представлена характеристика психологии виктимного поведения молодежи и предложены формы, методы и методики психологической профилактики виктимного поведения молодежи. Авторы утверждают, что адекватно проведенные этапы и методы психологического сопровождения лиц, склонных к виктимному поведению значительно снижают стрессогенные и чрезмерно эмоциональные условия различных видов деятельности, повышают их жизненную толерантность, плавное вхождение в социально-приемлемые формы, виды и способы поведения

В рубрике «Виктимология преступности» представлена статья доцента кафедры уголовного права Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. Елены Вадимовны Ильюк на тему «ВИКТИМНОСТЬ РОЖДАЕТСЯ В СЕМЬЕ (О ЖЕРТВАХ ИНЦЕСТА)», которая посвящена проблеме инцеста. Автор утверждает, что инцест как сексуальные отношения между членами семьи (кроме супругов) имеет максимальную латентность и одновременно очень распространен в обществе. Несмотря на отсутствие видимых травм инцест имеет очень тяжелые психологические последствия: ПТСР, виктимность, девиантное поведение, депрессии и суициды, нарушения психо-сексуальной ориентации, является фактором возникновения парафилий. По мнению автора, в инцестные отношения вовлечены все члены семьи, все являются хранителями «семейной тайны», которая искажает семейные роли.

Следующая статья рубрики, подготовлена доктором юридических наук П.А. Кабановым «СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ», в которой на основе статистических показателей 2014-2015 годов исследуется криминальная виктимность мигрантов в Российской Федерации. Автором выделяются основные показатели, характеризующие криминальную виктимность: общее количество жертв-мигрантов; структура жертв-мигрантов (по социально-демографическому критерию: полу и возрасту и правовому – степени тяжести совершенных в отношении их преступлений и их видам); криминальная смертность жертв-мигрантов.

В статье П.А. Кабанов отмечает, что проведенное исследование о виктимности мигрантов, как оборотной стороны пре-

ступности и показателя характера современной российской преступности, не является полным и окончательным. Оно лишь в самом общем виде позволяет оценить размеры негативных последствий современной российской преступности для определенной социальной группы – мигрантов. Полученные результаты предлагается учитывать при реализации миграционной политики государства.

Такая рубрика нашего журнала как «Предупреждение преступности», объединяющая научные статьи, посвященные рассмотрению вопросов противодействия, предупреждения и профилактики различного рода преступлений представлена, на наш взгляд, достаточно актуальными публикациями.

В данной рубрике хотелось бы отметить статью О.Н. Дунаевой «ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ВОДИТЕЛЯ КАК ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ». Актуальность этой статьи обусловлена, по мнению автора, недостаточной эффективностью существующей системы профессиональной подготовки водителей. Автор утверждает, что необходима разработка современных превентивных технологий и внедрение эффективных программ подготовки водителей с целью снижения уровня создания пред аварийных ситуаций, дорожно-транспортных происшествий и их последствий, а также нацеленность на безопасное управление транспортным средством и повышение транспортной культуры..

В продолжении рубрики статья О.Д. Калашникова «ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ». В статье анализируются статистические данные о зарегистрированных преступлениях, количестве жертв, размере нанесенного материального ущерба за 2015 год на территории Российской Федерации. Делается вывод, что в настоящее время в нашей стране отсутствует эффективный механизм компенсации вреда жертвам преступлений. Автор формулируются предложения, направленные на совершенствование виктимологических мер предупреждения преступлений.

Указывается на необходимость изучения опыта зарубежных стран в этом направлении, и по возможности использовать его в нашей стране.

В завершении номера представлена рубрика «Практика», в которой опубликована статья А.В. Майорова «СОСТОЯНИЕ КРИМИНОГЕННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В ПЕРИОД 2010–2016 гг.». В этой статье, представлены результаты исследования криминогенной виктимизации общества в современных условиях, на примере Уральского федерального округа, включающего Курганскую, Свердловскую, Тюменскую и Челябинскую области. Изучение и оценка показателей виктимизации, по мнению исследователя, позволяет не только вырабатывать практические меры профилактического воздействия на потенциальных жертв преступлений, внести коррективы в федеральные и региональные программы по профилактике преступности, но и сформулировать проекты новых или измененных уголовно-правовых норм, способных усилить влияние уголовного закона на криминальную ситуацию в стране, а также predetermined общее направление уголовной политики государства в рамках обеспечения Национальной безопасности Российской Федерации.

В заключительной части номера представлена информация для авторов, в которой содержится сведения о Международной научно-практической конференции «Особенности воздействия на виктимизацию в современном обществе», проведение которой планируется 15 мая 2017 г. на базе Института права Челябинского государственного университета. Научные доклады представленные на конференцию, отличающиеся научной новизной и оригинальностью будут опубликованы в последующих выпусках нашего издания.

Надеемся, что наш журнал «Виктимология» будет полезен Вам в научной и практической деятельности!

Дорогие читатели приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов материалов и научных статей.

**С уважением,
главный редактор
А.В. Майоров**

Утков П.Ю.

ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РАЗРЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Данная статья посвящена актуальной проблеме – вопросам психологической помощи в разрешении проблемы виктимного поведения младших школьников. Виктимность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, окружающей среды региона от угроз, вызванных воздействием жизнедеятельности и потребностей окружающих субъекта людей.

Ключевые слова: виктимология, младшие школьники, психологическая помощь, безопасность личности.

Роль психолога в работе с младшими школьниками определена не только в определении анамнеза жестокого обращения с детьми и пренебрежения к их нуждам, но и в разрешении проблемы виктимности путём грамотно спланированной деятельности по катамнезу.

Психологи различают пять видов насилия над детьми: физическое, сексуальное, психическое, моральную жестокость и буллинг. Остановимся на них:

а) Физическое насилие или истязание.

Физическое насилие — это преднамеренное нанесение физических повреждений ребенку родителями или лицами, их заменяющими, либо ответственными за их воспитание в данное время. Повреждения могут вызвать серьезные нарушения здоровья, которые требуют медицинской помощи, или отставание в развитии, или смерть ребенка. Часто при избиении происходит тяжелая физическая травма, т. е. создание риска смерти или повреждения, вызвавшие тяжелое постоянное обезображивание, или продолжительную потерю или ухудшение функции части тела или органа. Психолог должен обра-

тить на это особое внимание.

В современной системе воспитания в некоторых семьях в качестве дисциплинарных мер используются различные виды физического наказания: подзатыльники, шлепки, удары ремнем и т. д. Необходимо отметить то, что физическое насилие – это действительно физические нападения или истязания. Поэтому если телесные наказания приводят к серьезному нарушению здоровья, развития, их следует расценивать как физическое насилие. Довольно распространенным является вопрос о том, что «преступлений не существует, но это положение опровергается всей перспективой развития виктимологической науки» [15, с. 18].

Хотелось бы оговориться о понятии «жертва». По своей сути «каждый пострадавший может занять позицию «жертвы» [9, с. 12].

Необходимо выделить «внешние признаки физического насилия:

- синяки в форме отпечатков пальцев, следов от ремня;
- ожоги от сигарет, погружения в горячую воду;
- укусы взрослого или ребенка;

- насильственная травма костей;
- поврежденная уздечка (кусочки кожи, соединяющие десну с губой), зубов и т. д.
- черепно-мозговая травма;
- задержка физического развития, т. е. отставание в весе и росте» [3, с. 49].

б) Сексуальное насилие и развращение

Американский врач С. Кемп определил сексуальное насилие над детьми как «вовлечение функционально незрелых детей и подростков в сексуальные действия, которые они совершают, полностью их не понимая, на которые они не способны дать согласие или которые нарушают социальные табу семейных ролей» [14, с. 21].

Сексуальное насилие — это вовлечение ребенка в сексуальные действия со взрослыми с целью получения последними удовлетворения или выгоды. Отметим, что развращением считается не только собственно половой акт, но и широкий спектр других сексуальных действий. Внешние признаки сексуального насилия:

- повреждение генитальной, анальной или оральной областей;
- следы спермы на одежде или теле;
- заболевания, передающиеся половым путем, повторные или хронические инфекции мочевыводящих путей;
- беременность;
- психосоматические расстройства.

Развращением является: мануальный, оральный, генитальный контакт с половыми органами ребенка, ласка эрогенных зон; введение предметов во влагалище, анус; сексуальная эксплуатация ребенка; эксгибиционизм; вуаеризм; взаимная или обоюдная мастурбация; сексуальные домогательства; демонстрация эротических материалов.

Имеется и характеристика лиц — типичных насильников. Характеристика лиц-насильников: не являются душевнобольными или отсталыми в умственном плане людьми; не принадлежащие к какой-либо определенной социальной группе и не имеющие одинаковых привычек; они различаются по возрасту, социальному положению, мотивам; лишь незначительное количество из них страдают педофилией (т. е. имеют постоянный сексуальный интерес к детям); большинство из них гетеросексуалы; в большин-

стве случаев насильники - мужчины (но и женщины могут сделать то же самое); используют свой авторитет и шарм, принуждение и угрозы для того, чтобы добиться согласия и содействия ребенка; в большинстве знакомы со своими жертвами.

Риск соращения и развращения неодинаков для всех детей. Он больше для внушаемых и неустойчивых детей, воспитывающихся в условиях недостатка заботы, эмоциональной депривации; невротичных или характерологически акцентуированных детей, которые затевают сексуально окрашенные игры со взрослыми, а потом наблюдают за произведенным впечатлением; побуждаемых примером уже соблазненных сверстников; любопытных, не наученных правильному поведению со взрослыми и чужими людьми.

Чаще всего насилие в отношении детей совершают «молодые люди с напряженным сексуальным влечением и трудностями установления контактов, из-за чего они не могут наладить сексуальные отношения со сверстниками, либо люди, не уверенные в своей сексуальной состоятельности, а потому не решающиеся на обычную половую жизнь» [13, с. 71].

в) Психическое или эмоциональное насилие.

Психическое насилие — это постоянное словесное воздействие на личность ребенка, в результате которого у него формируются патологические черты характера или появляются психоневротические заболевания; умышленный вред, нанесенный в результате воздействия на эмоциональное или поведенческое развитие ребенка и повлекший за собой постоянные или усугубленные болезни и отторжения.

Методы психологического давления, игнорирование, жестокая ирония, постоянное или периодическое словесное оскорбление, угрозы без применения физического воздействия со стороны родителей, опекунов, публичная брань, унижение его человеческого достоинства, изоляция от членов семьи, обвинения в сумасшествии — все эти методы применяются в основном женщины-матери, и они в обыденной жизни более популярны, чем истязание. Такие приемы состоят в изменении привычного для ребенка стиля отношений родителей к нему. И результат

подобных инсинуаций – это повышенный уровень детской тревожности, устойчивые детские страхи, нарушения внутри-семейных отношений.

Дети, испытывающие жестокое отношение со стороны взрослых, как правило, выпадают из процесса социализации. У них также нарушаются механизмы адаптации. Такие несовершеннолетние начинают унижать других, эксплуатировать окружающий социум.

Дети, растущие в психологически нездоровой, напряженной обстановке, нередко стремятся изолироваться от общества, испытывают, куда большие трудности в образовательном учреждении по сравнению со своими сверстниками. Они плохо контролируют свое поведение и эмоции, у них преобладает неадекватная самооценка.

Таких детей в большей степени ожидают трудности психологического характера по достижению юношеского и зрелого статуса. Они чаще становятся наркоманами, акоголиками, насильниками, самоубийцами.

Нам кажется важным выделение внешних признаков, характеризующих детей — жертв психического насилия: задержка физического и умственного развития; нервный тик или тремор; энурез; язва желудка, псориаз, нейродермит; устойчивые аллергические патологии.

г) Моральная жестокость.

Моральная жестокость рассматривается нами в трех тесно взаимосвязанных сферах. Во-первых, это отсутствие со стороны родителей или лиц, их заменяющих, социально-бытовых условий, необходимых для успешной социализации, таких как медицинское обслуживание, включая отказ от госпитализации или лечения, одежда, питание, жилищные условия и т. д., и т. п. Во-вторых, вовлечение несовершеннолетних в употребление алкоголя или наркотиков, в занятия проституцией или порнографией, в совершение правонарушений. В-третьих, отсутствие должного внимания, в результате чего ребенок становится жертвой несчастного случая. Особенности психического состояния и поведения ребенка, позволяющие заподозрить моральную жестокость со стороны взрослых:

- постоянный голод или жажда;
- кража пищи;
- стремление любыми способами,

вплоть до самоповреждений, привлечь внимание взрослых;

- открытое публичное требование ласки и внимания;
- вандализм;
- попытки суицида.

Дети, испытывающие моральную жестокость, как правило, часто попадают в интернатные учреждения и становятся основным их контингентом.

д) Школьная травля или буллинг.

Школьная травля, или буллинг, является весьма распространенным явлением в образовательном учреждении.

Буллинг — это многократное и длительное воздействие на школьника со стороны одного или нескольких обучающихся. «Важно обозначить травлю как проблему всего коллектива, как нравственную болезнь – и тех, кто травит, и тех, кто смотрит, кто не вступается, не припятствует» [2, с. 121]. «Недружелюбные действия могут принимать форму физического проявления, словесных или иных оскорблений (например, непристойных гримас и жестов) или намеренного исключения из коллектива» [6, с. 142]. Конечно, чаще всего обучающийся несовершеннолетний — жертва уступает в степени физической подготовки преследователю и, соответственно, не может противодействовать травле.

В образовательном учреждении жертвами, как правило, становятся неуверенные в себе воспитанники, использующие конформные реакции в своей структуре социальной адаптации. Неадекватная самооценка, трусость, неприятие себя как личности, неуверенность в своем социальном статусе - это основные черты личности жертвы. «Таким образом, жертва преступления может быть активной и пассивной: осознающей сущность и последствия своего поведения или остающейся в неведении; близко связанной с причинителем вреда ...» [5, с. 28].

Исследователи, изучающие буллинг, отмечают, что лицо, против которого непосредственно направлено насилие, не является единственной жертвой. Это и сторонние наблюдатели или невольные свидетели происходящего, не подвергавшиеся непосредственной агрессии. Негативное воздействие в отношении этих лиц является косвенным. Причины школьной травли различны: это и школьные факторы, и внешние обстоятельства,

и манера поведения потенциальных жертв и преследователей, и социально-экономический статус основных участников и многие другие. Существует определенная предрасположенность к участию в буллинге. В ее основе — «сочетание «сложного» характера ребенка с негативными родительскими установками и нежелательным практическим опытом» [8, с. 210].

Последствия жестокого обращения бывают самыми разнообразными [10, с. 319].

Физическое насилие может привести к синякам, трещинам, переломам, ожогам, черепно-мозговым травмам, повреждениям внутренних органов. Все это может привести к нарушениям нормальной жизнедеятельности организма. Но детям и подросткам может потребоваться меньше время для лечения физических повреждений, чем для нормализации психического состояния. Ребенок может чувствовать себя несчастным всю продолжающуюся жизнь. Это может привести к наркомании и правонарушениям, преступлениям. Иногда, становясь родителями, они настолько усваивают неправильный стиль поведения, что сами начинают истязать собственных детей [7, с. 113].

Дети и подростки, которыми пренебрегают, сталкиваются с целым рядом трудностей. Они могут быть излишне замкнутыми или чрезмерно агрессивными. У них могут быть проблемы с принятием пищи и обменом веществ, многие из них страдают хроническими заболеваниями. Такие дети могут неприятно пахнуть, быть грязными, у них стойкие неудачи в процессе обучения. Эта совокупность проблем может закрепиться на неопределенный срок [11, с. 154].

Сексуальное насилие также оставляет неизлечимые психические и психологические травмы на долгое время или навсегда. У людей, в детстве подвергшихся сексуальному насилию, сохраняются депрессивные состояния, приступы тревожности. У них появляются навязчивые страхи или фобии (например, клаустрофобия, агорафобия и другие), проблемы со сном, чувство изолированности и отсутствие самоуважения (неадекватная самооценка). Довольно часто проституция, половые инверсии могут возникнуть в результате перенесенного сексуального насилия.

Пережитое в детстве сексуальное насилие становится источником целого ряда личностных проблем, в общении с представителями обоих полов, в установлении нормальных половых отношений, конфликтов с близкими и родителями, а иногда и с собственными детьми.

Когда общество стало больше информироваться о жестокости в отношении детей, многие родители стали пересматривать свой стереотип поведения в семье, что может служить благоприятным прогнозом на развитие детско-родительских отношений.

Большинство программ по профилактике жестокого отношения к детям, к сожалению, ориентированы на работу постфактум, то есть на реабилитацию детей, уже ставших жертвами насилия. Проблемным является создание программ, способствующих предупреждению жестокости.

Нам думается, что такие программы могут строиться на следующих принципах:

1. Осознание значимости проблемы субъектами образовательного процесса.

2. Широкое применение диагностического материала (в соответствии с компетенцией педагога) в деятельности воспитателей, классных руководителей, социальных педагогов и педагогов-психологов, помогающего однозначно определить качество детско-родительских отношений.

3. Активное включение обучающихся и воспитанников в образовательную среду, основанную на демократическом укладе.

4. Обеспечение эффективного контроля за обучающимися и воспитанниками во время образовательного процесса.

5. Разработка и исполнение правил, направленных против жестокого обращения, каждой общностью детей.

6. Широкое информирование родителей и детей об ответственности за жестокое обращение.

Важно в работе психолога при общении с родителями в рамках кризисной психотерапии учитывать источники стрессов у матери и отца.

К потенциальным источникам стресса, как пишет Е.С. Акарачкова. Коллеги Елены Сергеевны Вершинина С.В., Котова О.В., Рябоконт И.В. поддерживают её в том, что к потенциальным источни-

кам стресса можно отнести: расставание с близкими друзьями, переезд семьи, давление со стороны ровесников, резкие перемены в режиме дня, начало и окончание образовательного процесса на любых ступенях, подготовка и сдача экзаменов, прохождение собеседований и любое вторжение во внутреннюю среду психологии субъекта [1, с. 6].

Аддитивным является параметрические показатели направленности личности человека на псевдо мир или вымышленное окружение – компьютерные игры, различные хобби, которые подменяют реальность. Ложность гендерных представлений об окружающей действительности тоже является важной и значимой. Пол ребёнка определяет отец при передаче или нет у- хромосомы. Родительская реакция на эти стрессовые ситуации бывает различной. Сами по себе родительские стрессы связаны с демонстрацией (предсознательной/осознанной/бессознательной) негативных образцов поведения. Как часто бывает, когда разговаривая по телефону и думая, что рядом никого нет, мы забываем, что за нами стоят наши близкие, а мы смело, даже с воодушевлением лжем. Образуется отрицательное депривационное поле, которое немедленно заполняется негативными образцами поведения. Природа не терпит пустоты.

Психическая энергия, являясь, по сути, аналогом тока, течёт по поверхности подкорки, а не внутри её, так течёт ток – по поверхности проводника. В процессе дискретности латентного взаимодействия в семье разных возрастных групп, проживающих на одной территории, всегда можно ожидать от последующих поколений приобретение негативных образцов поведения [4, с. 116].

Психолог вместе с родителями и детьми могут разработать целую систему определенных правил, соблюдение которых позволяет предупредить насилие. Эти правила могут содержать следующее:

– доверяйте ребёнку и будьте готовы ему помочь. Ребенок должен знать это и не бояться вам довериться;

– никогда не оставляйте ребенка с лицами, которых плохо знаете или с незнакомыми людьми;

– не позволяйте маленькому ребенку одному пойти в общественный туалет;

– уходя из дома, дети всегда должны сообщать вам куда они уходят, с кем и когда предполагают вернуться домой;

– не разрешайте маленькому ребенку (дошкольнику или младшему школьнику) уходить куда-либо одному. Если вы не можете его сопровождать, детям лучше идти парами или группами;

– убедите ребенка в том, что если он чувствует себя в опасности, кто-то ему угрожает или заставляет делать неприятные ему вещи, то ребенок может делать все: кричать (например, «Пожар!»), визжать, кусаться, звать на помощь, убежать, лгать – словом, все, что поможет избежать опасности;

– разрешите детям самим решать, кого из родственников или знакомых им целовать и обнимать. Не заставляйте их делать это против воли, когда им неприятно или когда они чувствуют, что что-то не так;

– не одевайте девочек-подростков в детские вещи, из которых они выросли, чтобы не подчеркивать сформировавшуюся фигуру.

Но если всё-таки насилие произошло, то реабилитационная работа с ребёнком может строиться несколькими путями: индивидуально, индивидуально-групповые занятия и групповые занятия. Групповые тренинги с детьми, пережившими насилие, могут быть разделены на несколько этапов. На первом решаются задачи адаптации детей к групповому взаимодействию, в ходе второго этапа осуществляется работа, непосредственно связанная с психологической травмой. Анализируются: чувство вины, стыда, беспомощности, ответственности за происшедшее. А на третьем – объективизация самооценки, формирование умения отстаивать свои права. Переключение внимания ребёнка от негативного переживания на продолжение нормальной жизни.

Очень важно знать, как правильно действовать психологу, чтобы не причинить вред ребёнку и родителям.

Во-первых, необходимо поговорить с ребёнком. Желательно сделать это без свидетелей. Относитесь к тому, что он рассказывает, очень серьезно.

Во-вторых, реагируйте спокойно и не показывайте, что все это вас шокирует или вам это неприятно, так как этим вы можете напугать ребенка или усилить его чувство вины. Ребенок может больше

не говорить о случившемся, чтобы ограждать вас от дальнейших болезненных переживаний.

В-третьих, в процессе разговора постарайтесь говорить теми же словами, которыми ребенок описывает ситуацию.

В-четвертых, необходимо успокоить ребенка словами: «я тебе верю», «ты не виноват», «ты не отвечаешь за последствия», «ты имеешь право злиться», «ты имеешь право на безопасность», «ты не единственный, кто подвергается такому обращению», «ты заслуживаешь того, чтобы тебе помогли», «ты заслуживаешь любви», «никто тебя не считает грязным или грубым» и т. п.

В-пятых, нет необходимости в том, чтобы ребенку задавать слишком много вопросов и избегайте вопросов, требующих определенных ответов. Вопросы должны быть построены так, чтобы необходимость получения дополнительной информации не направляла ответ ребенка, например, «Что произошло дальше?» или «На что это было похоже?».

В-шестых, если вам необходимо рассказать о случившемся кому-то еще, например социальному педагогу, то вы должны объяснить это ребенку.

В-седьмых, обязательно сделайте подробные записи после окончания разговора.

После общения с ребенком вы должны отвести его к медицинскому работнику образовательного учреждения, который имеет право оказывать доврачебную помощь. Медсестра или фельдшер принимает решение о госпитализации ребенка или проведении медицинского освидетельствования. Вы в письменной форме информируете администрацию образовательного учреждения, классного руководителя и социального педагога о происшедшем. В вашей докладной обязательно должны излагаться факты в доказательной форме о систематичности происходящего, о вашей работе с семьей (в том случае, если это не впервые), о частоте посещений семьи и их результатов (обязательно приложите акты посещения семьи, выписку из психологического анамнеза, собственные наблюдения и т. п.) и т. д.

Решение о дальнейших действиях принимает администрация совместно с психологом, социальным педагогом, классным руководителем и медицинским работником, оказывающим доврачебную

помощь, органами опеки и попечительства, милицией.

Очень важным в процессе взаимодействия психолога и родителей является умение увидеть признаки, позволяющие сделать вывод о том, что родители или лица, их заменяющие, жестоко обращаются с ребенком. Автор [12. с. 86] и другие выделяют некоторые особенности поведения родителей или попечителей при физическом насилии:

- противоречивые, путанные объяснения причин травм у ребенка и нежелание внести ясность в происшедшее;

- позднее обращение за медицинской помощью или инициатива обращения за помощью исходит от постороннего лица (соседей, прохожих и т. д.);

- обвинение в травмах самого ребенка;

- неадекватность реакции родителей на тяжесть повреждения, стремление к ее преувеличению (у матерей) или преуменьшению (у отцов);

- отсутствие обеспокоенности за судьбу ребенка;

- невнимание, отсутствие ласки и эмоциональной поддержки в обращении с ребенком;

- обеспокоенность собственными проблемами, не относящимися к здоровью ребенка;

- рассказы родителей о том, как их наказывали в детстве;

- признаки психических расстройств в поведении или проявление патологических черт характера родителей (например, агрессивность, возбуждение, неадекватность, подозрительность и т. д.).

Существуют и особенности поведения взрослых, позволяющие заподозрить психическое насилие над детьми:

- нежелание утешить ребенка, который действительно и объективно (по мнению педагога) в этом нуждается;

- публичные оскорбления, брань, обвинения или унижения ребенка;

- рассказы родителей о том, как их наказывали в детстве;

- обеспокоенность собственными проблемами, не относящимися к здоровью ребенка;

- признаки психических расстройств в поведении или проявление патологических черт характера родителей (например, агрессивность, возбуждение, неадекватность, подозрительность и т. д.).

Существуют и особенности поведения взрослых, позволяющие заподозрить психическое насилие над детьми:

– нежелание утешить ребенка, который действительно и объективно (по мнению педагога) в этом нуждается;

– публичные оскорбления, брань, обвинения или унижения ребенка;

– постоянное сверхкритичное отношение к сыну или дочери;

– негативная характеристика ребенка;

– отождествление ребенка с ненавистным или нелюбимым человеком (родственником или кем-то другим);

– перекладывание на детей ответственности за свои жизненные неудачи и ошибки;

– открытое признание в нелюбви или ненависти к ребенку.

Выявление жестокости в семье — очень трудная задача. Необходим комплексный подход для разрешения конфликтов. Одним из многих аспектов является наблюдение за поведением родителей.

Таким образом, вне всякого сомнения уровень виктимизации детства в кризисные периоды повышается и значимым фактором является не только социально-экономическая ситуация в субъекте Федерации, но и уровень заболеваемости детского населения и особенности психологической организации семейных отношений, структуры семьи на региональном уровне и гендерного соотношения в структуре населения.

Ведущий специалист, криминальный психиатр Гомонов Н.Д. (Гомонов, 2006) защитил кандидатскую диссертацию на тему «Криминологические аспекты противоправного поведения лиц с психическими девиациями» в 1999 г., а докторскую диссертацию на тему «Психические девиации и преступное поведение: криминологический и уголовно-правовой анализ» в Санкт-Петербургском университете МВД России в 2002, что явилось частью методологической базы для проведенного исследования, отмечает то, что социальная среда чаще формирует негативные образцы поведения, чем социальной и продуктивной [3, с. 12].

При всех вариациях и интерпретации проблематичным является выявление параметров агрессии [13, с. 118].

«После принятия декларации ООН... значимым стало событие создания госу-

дарственной компенсации жертвам насильственных преступлений.»[16, С. 17]

Психическое насилие — это постоянное словесное воздействие на личность ребенка, в результате которого у него формируются патологические черты характера или появляются психоневротические заболевания; умышленный вред, нанесенный в результате воздействия на эмоциональное или поведенческое развитие ребенка и повлекший за собой постоянные или усугубленные болезни и отторжения. Методы психологического давления, игнорирование, жестокая ирония, постоянное или периодическое словесное оскорбление, угрозы без применения физического воздействия со стороны родителей, опекунов, публичная брань, унижение его человеческого достоинства, изоляция от членов семьи, обвинения в сумасшествии — все эти методы применяются в основном женщины-матери, и они в обыденной жизни более популярны, чем истязание.

Такие приемы состоят в изменении привычного для ребенка стиля отношений родителей к нему. И результат подобных инсинуаций — это повышенный уровень детской тревожности, устойчивые, детские страхи, нарушения внутрисемейных отношений [14, с. 94]. Американский врач-психиатр Джон Спринг выделил некоторые эмоциональные реакции детей на жестокость: чувство ответственности за насилие, чувство вины, постоянное возбуждение, переживания, противоречивость, страх быть покинутым, чрезмерная потребность во внимании взрослых, боязнь телесных повреждений, стыд, беспокойство о будущем.

Гуманизацию социальных отношений предполагает особый подход к психолого-педагогической реабилитации детей с особыми нуждами, как с сохранным интеллектом, так и с его нарушениями. Реабилитационная образовательная среда находится в тесной взаимосвязи с педагогом-учителем и педагогом-родителем. Низкий психологический уровень знаний, умений и навыков вторых влечет за собой особый подход практической психологии к формированию родительской компетентности посредством «психологического ликбеза».

Таким образом, гуманизация социальных отношений невозможна без социально-педагогической виктимологии,

которая определяет значимую роль личности в среде, а также характеризует саму психосоциальную среду. Криминальная агрессия, с точки зрения педагогической психологии, оценивается как оценка поведения родителей к детям. Незначим тот фактор, что возраст, образование, уровень культуры родителей – доминанта. Важно, что их опыт является следствием усвоенных образцов поведения, которыми их «наградили» их родители.

Если семья в системе ценностей не имеет в структуре отношений способность обезопасить и мотивировать ребенка на приобретение эколого-экономических образцов, то в данном случае задача муниципалитета состоит в том, чтобы создать условия, при которых бы была возможность предоставить право родителям выбирать целесообразность собственного поведения, адекватного требованиям среды.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Акарачкова Е.С. Стресс у детей и подростков: причины и последствия, лечение и профилактика / Акарачкова Е.С., Вершинина С.В., Котова О.В., Рябоконт И.В. – М.: ГБОУ ВПО Первый Московский госмедуниверситет им. И. М. Сеченова, 2014. 48 с.
2. Быкова Анна. Психологическая безопасность ребенка в школе. – Ростов н/Д: Феникс, 2016. 139 с.
3. Гомонов Н.Д., Баженов А.В. Социально опасное поведение несовершеннолетних с психическими отклонениями. – Мурманск: Изд-во МГТУ, 2006. 250 с.
4. Курчанов Н.А. Поведение: учебное пособие. – СПб.: СпецЛит, 2012. – 232 с.
5. Максименков А.А., Майоров А.В. Психологические аспекты виктимности // Виктимология. 2015. № 4(6). С. 26-29.
6. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Практика поведения жертвы. – М.: Эксмо. 2010. 864 с.
7. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья детей и подростков. – М.: ВОЗ, ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России, 2016. 241 с.
8. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. – СПб., 2006. 342 с.
9. Одинцова М.А. Психология поведения жертвы. Сказкотерапия для взрослых. – Самара: ИД «Бахрах-М», 2015. 240 с.
10. Усиление роли системы здравоохранения в реагировании на гендерное насилие в Восточной Европе и Центральной Азии: сборник материалов. – Стамбул: Региональное бюро ЮНФПА для стран Восточной Европе и Центральной Азии, WAVE. 2014. 409 с.
11. Утков П.Ю. Виктимологическая составляющая психологической безопасности в Мурманской области // Наука, образование, общество. 2014. № 2 (2) С. 146-165.
12. Утков П.Ю. Кризисная психотерапия в педагогической психологии виктимности младших школьников Кольского Заполярья: учебно-методическое пособие. Мурманск, 2017. 86 с.
13. Утков П.Ю. Педагогическая психология виктимности несовершеннолетних в Мурманской области: практико-ориентированная монография. СПб., 2016. 195 с.
14. Kempe, R.S., Kempe S.N. Child Abuse. Fontana. London: Open books, 1978. 157 p.
15. Pemberton A. Dangerous victimology: My Lessons Learned from Nils Christie // Temida. Journal on victimization, human rights and gender. 2016. № 2. P. 18-26.
16. Ezzat A. Fattah. Victimology: Past, Present and Future // Criminologie. 2000. № 1. P. 17-46.

УТКОВ Павел Юрьевич, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Мурманск
E-mail: pavelutkv@rambler.ru

Utkov P. Yu.

THE VALUE OF PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE IN RESOLVING THE PROBLEM OF VICTIM BEHAVIOR OF ELEMENTARY SCHOOL CHILDREN

This article is devoted to an actual problem is psychological assistance in solving the problem of viktimnogo behavior of junior high school students Streak is the State of protection of the vital interests of the individual, society, the surrounding region Wednesday from the threats caused by exposure of life and needs surrounding a subject people.

Keywords: *victim, younger students, psychological help, security of the person.*

Utkov Pavel Yu., candidate of pedagogic sciences, docent, associate professor of management, state and municipal management St. Petersburg University of technology management and Economics, Murmansk
E-mail: pavelutkv@rambler.ru

Трофимова Г.А.

ПРИНЦИПЫ, ЗАЛОЖЕННЫЕ В ЗАКОНЕ, КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЦ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Обеспечение внутренней безопасности является одной из значимых проблем российского государства. Для ее решения наиболее целесообразным подходом видится предотвращение самой возможности формирования лиц с девиантным поведением. Какие негативные принципы системы воспитания заложены отечественным законодательством, и попытался выяснить автор статьи на примере анализа норм Федерального закона об образовании в РФ.

Ключевые слова: формирование преступного поведения, ответственность школьников, ответственность родителей, причины совершения преступления, формирование личности, закон об образовании.

Взаимосвязь поведения человека и его воспитания: постановка вопроса. Вступая во взаимодействие с окружающими людьми, человек усваивает нормы поведения, нравственные и правовые понятия и представления, социальные и культурные ценности, приобретает новые потребности, интересы и стремления [9, с. 20]. Но при неблагоприятном нравственном формировании личности происходит обратное: возникает несоответствие между свойствами личности и требованиями окружающей действительности [9, с. 20-21]. В случае неблагоприятного формирования личности ее нравственные ценности, правовые представления, система потребностей и основных интересов входят в противоречие с соответствующими общественными интересами, представлениями и ценностями; личность приобретает антиобщественную ориентацию [9, с. 21]. Ее поведение будет носить уже девиантный характер [5, с. 7]. И проявляться в несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации и уклонении от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением [8, с. 14].

Таким образом, если правильное фор-

мирование личности происходит в результате надлежащего воспитания человека, то неправильное – в результате ненадлежащего. И чтобы не было создано условий по формированию личности с девиантным поведением, должно осуществляться надлежащее воспитание, в том числе во время пребывания детей в средних учебных заведениях. Ведь на сегодняшний день образование по-прежнему признается сочетанием двух компонентов — обучения и воспитания (п. 1 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» [13] (далее – Федеральный закон об образовании в РФ)). А под воспитанием в соответствии с указанным законом понимается деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства (п. 2 ч. 1 ст. 2).

В ряде стран, особенно в исламских государствах, большое значение уделяется воспитанию в традициях и ценностях, присущих соответствующей народности.

Так, в ст. 13 Основного низама Саудовской Аравии сказано, что «цель обучения — взрастить в душах подрастающего поколения исламскую веру, дать ему знание и мастерство, подготовить полезных строителей общества, любящих свое Отечество и гордящихся его историей» [10].

Цель воспитания ставится и Федеральным законом об образовании в РФ (ч. 4), однако последующие его положения не отображают ее, что попытаемся пояснить далее.

Основные факторы, влияющие на воспитание человека. Поведение человека всегда причинно обусловлено [1, с. 19] и, соответственно, основывается на неких предпосылках (принципах) его существования, которые появляются в результате его воспитания и составляют основу его последующей деятельности.

Привить признаки воспитанного человека можно в результате следующих действий:

– объяснение соответствующего поведения, и таким образом будет предоставлена учащемуся картина положительных действий;

– применение мер ответственности в случае отсутствия надлежащего поведения (на уровне возрастных возможностей), что определит наличие неблагоприятных последствий в случае отклонения от требуемого поведения и будет являться одним из стимулов надлежащего поведения;

– создание необходимых условий для приобретения непосредственных навыков осуществления общественно-трудовой деятельности, с помощью которой учащийся может продемонстрировать навыки коммуникации и что даст ему возможность добиться самореализации помимо учебной деятельности, в частности посредством утверждения своего «Я» перед группой, коллективом.

Исходя из этого, перед законодателем при формулировании положений, направленных на воспитание школьников, должны ставиться и решаться две задачи: установление обязанностей и гарантий их исполнения учащимися, а также определение форм вовлечения обучающегося в систему личных и общественно полезных обязанностей.

Только благодаря обязанностям право выступает в качестве мощного организующего, дисциплинирующего фактора;

поэтому юридические обязанности, воплощающие начала организованности, дисциплины и социальной ответственности имеют в правовой системе важное значение, именно этот фактор обеспечивает существование правового государства [14, с. 200].

В соответствии с Федеральным законом об образовании в РФ обучающиеся обязаны: 1) добросовестно осваивать образовательную программу, выполнять индивидуальный учебный план, в том числе посещать предусмотренные учебным планом или индивидуальным учебным планом учебные занятия, осуществлять самостоятельную подготовку к занятиям, выполнять задания, данные педагогическими работниками в рамках образовательной программы; 2) выполнять требования устава организации, осуществляющей образовательную деятельность, правил внутреннего распорядка, правил проживания в общежитиях и интернатах и иных локальных нормативных актов по вопросам организации и осуществления образовательной деятельности; 3) заботиться о сохранении и об укреплении своего здоровья, стремиться к нравственному, духовному и физическому развитию и самосовершенствованию; 4) уважать честь и достоинство других обучающихся и работников организации, осуществляющей образовательную деятельность, не создавать препятствий для получения образования другими обучающимися; 5) бережно относиться к имуществу организации, осуществляющей образовательную деятельность (ч. 1 ст. 43).

Основной гарантией осуществления любой обязанности является наличие ответственности за неисполнение или ненадлежащее ее исполнение. Иначе все обязанности будут носить только морально-нравственный характер.

Федеральным законом об образовании в РФ предусмотрены меры ответственности, в частности указано, что за неисполнение или нарушение устава организации, осуществляющей образовательную деятельность, правил внутреннего распорядка, правил проживания в общежитиях и интернатах и иных локальных нормативных актов по вопросам организации и осуществления образовательной деятельности к обучающимся могут быть применены меры дисципли-

нарного взыскания — замечание, выговор, отчисление из организации, осуществляющей образовательную деятельность (ч. 4 ст. 43).

Однако санкция — отчисление может быть реализована только в отношении лица, достигшего 15-летнего возраста, и то при наличии особых условий (ч. ч. 8-9 ст. 43). А выговор и замечание являются, по сути, мерами моральной ответственности и в подавляющем большинстве случаев не выполняют свою основную функцию — предупреждение совершения лицом новых нарушений. Если же учащийся пренебрежительно относится к своим учебным обязанностям, то есть систематически не готовится к занятиям, не выполняет задания, данные на уроке, и т. д., в этом случае мер ответственности закон не содержит.

Нельзя не учитывать и того факта, что гаранты исполнения ряда обязанностей учащихся являются родители. Они несут ответственность за воспитание своего ребенка. Именно на них Основным законом страны возложена обязанность по обеспечению получения детьми основного общего образования (ч. 4 ст. 43 Конституции РФ).

Вместе с тем Федеральным законом об образовании в РФ ответственность родителей непосредственно не закреплена и за неисполнение конституционной нормы, и за иное нарушение предписанных данным нормативным актом обязанностей, сделана ссылка на иное законодательство (ч. 6 ст. 44). Отсутствие мер юридической ответственности, как учащихся, так и родителей, приводит к тому, что выполнение ими обязанностей зависит только от личных установок, полученных в семье.

Последствия такого положения вполне очевидны — пренебрежительное отношение большинства учащихся к исполнению своих обязанностей и неуважительное отношение к правам других членов общества.

Неприменение мер ответственности к учащимся, в свою очередь, приводит к утверждению постулата о правомерности любого поведения, ненаказуемости за нарушение правовых норм, то есть к одному из основных лейтмотивов будущего неправомерного поведения, как в несовершеннолетнем, так и в совершеннолетнем возрасте.

На самом деле возможны две формы внутренней предупредительной мотивации: маргинальная и позитивная; основу маргинальной формы мотивации составляет страх личности перед наказанием со стороны государства и (или) общества, основу позитивной формы — высокий уровень должного правосознания личности; первая форма мотивации характерна для граждан в государствах с низкой степенью развития права и механизма его реализации, слабыми социальными институтами, с отсутствием гражданского общества, вторая — для граждан в государствах с наиболее развитыми правовыми и гражданскими институтами, категориями [12, с. 127].

Но так как Россию на сегодняшний день сложно назвать государством с высокой степенью правосознания личности, то, следовательно, необходимо прибегать к достаточно широкому диапазону санкций.

Юридическая ответственность порождает мотив страха перед неблагоприятными последствиями и, соответственно, выполняет роль тормоза неправомерного поведения в тех случаях, когда для ответственного субъекта позитивное право не входит в систему ценностей; когда у лица ситуативно возникает потребность, достижение которой связано с нарушением правовой нормы [7, с. 31-32]. В связи с этим меры ответственности за правонарушение должны быть соразмерны причиненному вреду и влечь ощутимые (в целях как общей, так и частной превенции) последствия. На сегодняшний день предусмотрены недостаточные санкции не только за нарушение в учебном заведении дисциплины, но и за осуществление административных, уголовных или гражданско-правовых нарушений.

Так, в случае причинения несовершеннолетним имущественного вреда на него возлагается обязанность заплатить штраф, но вследствие того, что несовершеннолетние редко имеют свой заработок и штраф уплачивают родители, то этот вид наказания не предупреждает совершение подростком новых преступлений, не оказывает на него воспитательного воздействия [12, с. 129-130]. Не влечет это и общественного порицания в школьной среде, так как морально-нравственным принципам не придается большого значения.

Между тем элемент общественного воздействия стоит вернуть, например, путем создания муниципального опекунского совета, состоящего из делегатов-педагогов и представителей общественности (пенсионеров, работников социальных служб и т. д.), нечто наподобие американских попечительских советов, работающих в школьных округах. Его целью должно стать взаимодействие с родителями, чьи дети не выполняют обязанностей по надлежащему поведению и обучению, нарушают нормы права. К таким родителям могут быть применены следующие общественно-юридического характера меры: общественное порицание, предупреждение об ограничении или лишении в родительских правах, предупреждение об обращении в административные и иные органы с целью применения мер административного и иного наказания; публичное обращение в средствах массовой информации с представлением лица как не исполняющего свои гражданские обязанности и указанием на недопустимость занятия этим лицом любой выборной должности. Также должно быть посредством внесения изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях установлено право опекунского совета по применению или обращению в суд за применением мер административного взыскания.

Необходимо отметить и тот факт, что отсутствие ответственности как за неисполнение возложенных обязанностей, так и за нарушение прав других лиц, приводит формирующуюся личность к широкой трактовке понятия «свобода», интерпретируемой как вседозволенность.

Между тем свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому; осуществление естественных прав каждого человека имеет лишь те границы, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами [3, с. 55]. Человек становится личностью в процессе получения необходимых навыков и знаний, благодаря которым он приобретает способность самосознания, понимания жизненного уклада и связей между предметами и явлениями окружающей среды, становится мыслящим; этот процесс можно назвать социализацией, включающей в себя важнейший признак – адаптацию индивида к выполнению общеобязательных нормативных пред-

писаний, осознанное соблюдение вводимых для всеобщего блага ограничений [2, с. 4]. Непринятие соответствующей установки, недополученной в детстве, – это прямой фактор формирования личности с девиантным поведением.

Если же учащийся не становится реально вовлеченным в систему личных и общественных обязанностей, то это порождает несколько последствий: отсутствие трудовых навыков (в том числе навыков умственного труда) с целью приобретения какого-либо блага, отсутствие понимания социальной ответственности за порученное дело, незаполненность самореализации.

Например, отсутствие ответственности за ненадлежащее прилежание, которое, как правило, сопровождается представлением положительной оценки за очередной период обучения (четверть, год), подкрепляет установку приобретения блага вне зависимости от затраченного труда. В результате будущий член общества, уже сформировавшийся, а не воспитуемый, делает выбор в пользу неправовых, в том числе криминальных средств получения благ.

Как отмечал еще классик российской педагогики К. Д. Ушинский в своей статье «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860), «...воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно еще дать ему и привычку к труду, потому что дельный, серьезный труд всегда тяжел» [11, с. 358].

Учащийся, не задействованный в общественно-полезной деятельности, остается социально неотвеченной личностью, у него отсутствует понимание того, что власть осуществляется народом (а, следовательно, каждым его представителем, достигшим совершеннолетнего возраста), что за каждым гражданином закреплен ряд конституционных обязанностей (платить налоги, пройти службу в армии и др.), что исполнение обязанностей и реализация прав допустимы в рамках закона и т. д. А формой его самореализации, самоутверждения становится девиантное поведение.

К сожалению, ни в прежнем законе об образовании, ни в ныне действующем не были закреплены нормы, направленные на приучение детей как к умственному (учебному), так и к общественно полезно-

му труду, что препятствует педагогическому коллективу работников внедрять элементы общественно-полезной деятельности учащихся с целью формирования навыков правильного поведения. Именно поэтому данное положение подвергается в научной литературе критике [6, с. 31; 15].

Исходя из представленного анализа, можно сделать вывод, что поведение лица, направленное на совершение преступной деятельности, основано на том, что в процессе воспитания были заложены имеющие целью разрушение личности и вытекающие один из другого следующие деструктивные принципы:

понимание возложенных обязанностей как морально-нравственных, а не юридических - караемых за неисполнение или ненадлежащее исполнение;

пренебрежительное отношение к личным и общественным обязанностям;

осознание возможности получения блага в отсутствии труда, без особых усилий;

неответственность за нарушение правовых норм;

«свобода» в понимании возможности делать все, независимо от того, нарушаются ли при этом права и свободы других лиц.

Данные принципы находят свое закрепление в процессе формирования личности учащегося, а основанием их во-

площения можно признать, в частности, положения Федерального закона об образовании в РФ, которым, по сути, закреплены основные условия формирования лиц с девиантным поведением, – возведение в ранг допустимых норм о неответственности и бездеятельности школьников.

Соответственно, одной из причин формирования лиц с отклоняющейся от установленной общественными требованиями линией поведения является отсутствие положений, направленных на обеспечение качественного воспитания.

Основными установками формирующейся личности, как представляется, должны быть активная жизненная позиция, уважение прав других людей и направленность на осуществление созидательного труда. Ведь «в широком философско-антропологическом смысле эффективность права представляет собой нахождение и осуществление правом осмысленного, безопасного, психологически комфортного как для отдельного индивида, так и для общества в целом способа существования личности, обеспечение правом личностного роста и созидательного функционирования человека в конкретном обществе»¹. Но для их закрепления недостаточно лишь установления соответствующих целей, необходимо и внедрение полного механизма формирования социально позитивной личности.

¹Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 10.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985.
2. Братановский С. Н., Кочерга С. А. Концептуальные подходы к образованию как социально-правовому феномену // Право и образование. 2014. № 12.
3. Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В. В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
4. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2009.
5. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: Учебное пособие для вузов. М.: ТУ Сфера, 2003.
6. Косарев А. И. Ценностные ориентиры российского общества // Российский юридический журнал. 2009. № 1.
7. Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). Издание второе. М., 1995.
8. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения. Учебное пособие. Спб.: Речь, 2005.
9. Механизм преступного поведения / Отв. ред. член-корр. АН СССР В. Н. Кудрявцев. М., 1981.
10. Основной низам (положение) Королевства Саудовская Аравия // Библиотека конституций Романа Пашкова. URL: <http://www.constitutions.ru> (дата обращения: 23.02.2016).
11. Попов В. А. История педагогики и образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2010.
12. Савченко А. А. Мотивации, удерживающие несовершеннолетних от совершения преступлений, как элемент формирования предупредительной деятельности в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних // Современное право. 2012. № 3.
13. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» (с последующими изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».
14. Шабуров А. С. Обязанности человека в рамках концепции прав человека // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 200.
15. Щуплецов О. В., Щуплецов Н. О. Фактический анализ развития отечественной образовательной системы // NB: Педагогика и просвещение. 2014. № 1. DOI: 10.7256/2306-4188.2014.1.10491. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_552.html.

ТРОФИМОВА Галина Анатольевна, эксперт научно-исследовательского объединения «Правовая инициатива», г. Иркутск
E-mail: Trofimova_Galy@mail.ru

Trofimova G. A.

THE PRINCIPLES LAID DOWN IN THE LAW AS THE DETERMINANTS OF THE INDIVIDUALS WITH THE DEVIANT BEHAVIOR

Ensuring internal security is one of the most important problems of the Russian state. To solve it the most appropriate approach seems to prevent the very possibility of the formation of individuals with deviant behavior. What negative principles of education were laid down by the domestic legislation, and tried to find out the author of the article on the example of the rules of the Federal Law on Education of the Russian Federation.

Keywords: *the formation of criminal behavior, the responsibility of school-children, parents' responsibility, the reasons for committing the crime, the formation of the individual, the Education Act.*

Trofimova G. A., expert of research association «The legal initiative», Irkutsk
E-mail: Trofimova_Galy@mail.ru

Юрова К.И., Юров И.А.

ПСИХОЛОГИЯ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье представлена характеристика психологии виктимного поведения молодежи и предложены формы, методы, методики психологической профилактики виктимного поведения молодежи.

Ключевые слова: *виктимология, виктимизация, виктимность, психодиагностика, психология, молодежь, проектирование, психотерапия.*

Исследования, проводимые в различных регионах нашей страны, а также за рубежом, показывают, что жертва преступления своим провокационным поведением играет существенную роль в генезисе, развитии и реализации криминальных ситуаций. Это относится и к определенной части молодежи, в том числе и студенческой (особенно в условиях курортного региона) [7, с. 190-192].

Виктимное поведение может осуществляться на осознаваемом уровне в виде демонстративного поведенческого неконформизма (например, скоморохи, юродивые, кликуши, молодежные группы – готы, панки, хиппи, радикалисты и т. п.) с целью пиара, саморекламы, самовыражения. На этом уровне часто проявляется агрессивное поведение, которое провоцируется неприемлемым обращением (нападки, буллинг), воздействием и подражанием значимому лицу (идолу, криминальному лидеру, кумиру, крутому полицейскому и т. п.), эксцентричными мотивами и убеждениями (паранормальные идеи). Установлено, что агрессивное поведение обусловлено следствием неадекватного развития социально-когнитивных навыков в детском и подростковом возрастах. По мнению Р. Бэрона, агрессивные действия можно описать на основе трех шкал: физическая-вербальная (нанесение ударов, словесный конфликт), активная-пассивная (чрезмерная критика личности — сговор с целью дискредитации соперника), прямая-непрямая (жесткий выпад — организация условий и мнений с целью не позволить человеку достичь желаемой цели). Агрессивное поведение обычно провоцируется

фрустрациями — негативными возникающими в ситуации реальной или предполагаемой невозможности удовлетворения тех или иных потребностей, или в ситуации несоответствия желаний имеющимся возможностям. Такая ситуация может рассматриваться как травмирующая. Препятственно-доминантные по типу и экстрапунитивные по направленности фрустрирующие ситуации могут привести к виктимному поведению. Все то, что приводит к нарушению психического гомеостаза (внутреннему психическому благополучию, гармонии) может привести к виктимному поведению [1, 6, 7].

Большое значение в формировании виктимного поведения имеют факторы семейного и школьного воспитания, а именно:

- 1) высокий уровень требований и ожиданий семьи и школы к ребенку;
- 2) перенапряжение ребенка (многофункциональная нагрузка (школа, музыка, спорт, студии, языки);
- 3) воспитание ребенка как «сверхценность» (ты должен достичь того, чего достигли или хотели достичь мы);
- 4) воспитание по типу гиперсоциализации («ребенок сам по себе — полная свобода» или гипосоциализации (оградить ребенка от реалий современной жизни или по принципу «Делай как я»).

Возможные реакции ребенка на приведенные факторы: а) нигилизм-негативизм; б) различные фобии (страхи и комплексы); в) различные виды фрустраций; г) психосоматические и неврозоподобные состояния (ложный аутизм, уход в себя, уход в болезнь, бегство из семьи, уход из школы и т. п.); д) тревога и тревожность,

стрессы; е) эгоцентризм и социально-психологическая дезадаптация.

С точки зрения фрейдовского психоанализа причиной виктимного поведения могут быть вытесненные в подсознание агрессивные реакции, страхи, чувство вины, нереализованное или исковерканное детское формирование личности из-за блокады анального, орального и генитального фаз развития. Эти психические образования могут быть спроецированы через трансфер на лицо (лица), которое подобно тому, кто приносил страдания или негативизм. Это может носить как неконтролируемый, бурный характер, так и осознаваемое манипулирование своим поведением и поведением окружающих (в виде слухов, сплетен, «секретов», намеков, язвительных замечаний и даже буллинга). По мнению психоаналитика К. Хорни, не осуществленное родителями нивелирование детской «базальной тревоги» приводит к неадекватному поведению в детском, а затем и во взрослом возрасте, даже в виде невротоподобного истерического проявления.

С точки зрения «коллективного бессознательного» К. Юнга демонстративное поведение и отказ от традиций, обычаев, норм морали народа или доминантного социума свидетельствует о деструкции личности, а по нашему мнению и к проявлению психологии виктимного поведения.

По мнению А. Адлера, чувство неполноценности может привести к неконтролируемой компенсации, в том числе и через агравированные формы поведения («комплекс Наполеона», «комплекс неудачника», «комплекс маменького сынка», «комплекс дизморфофобии» и т. п.).

Если при первичной виктимизации на первый план выступают контакты с ранее судимыми и проявление дискриминационного поведения, а при повторной виктимизации одни и те же лица неоднократно становятся потерпевшими от преступлений вследствие своего провоцирующего поведения, то при повышенной виктимизации уже проявляется стиль поведения, образ жизни. При совершении насильственных преступлений в быту повышенная виктимизация наблюдается примерно в 60 % случаев [2, 3].

Среди потерпевших от преступлений выделяют четыре типа жертв.

Первый тип – потерпевшие, не со-

действующие возникновению конфликта и становящиеся потерпевшими лишь в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств.

Второй тип – потерпевшие, не содействующие возникновению конфликта, но из-за недооценки реальности угрозы стать жертвой преступления сначала активно не пресекают действия преступника, т.к. эти действия не воспринимают как реализацию преступного намерения и потому не готовы к оказанию своевременного отпора. Лишь осознав реальность угрозы, они начинают оказывать сопротивление.

Третий тип – потерпевшие, по неосторожности содействующие своим поведением возникновению конфликта, но активно пытающиеся пресечь развитие преступных действий.

Четвертый тип – потерпевшие, содействующие своим поведением не только возникновению конфликта, но и созданию условий, благоприятных для совершения в отношении них преступления. Эти пострадавшие, в отличие от потерпевших третьего типа, сами провоцируют преступление. Они не только участвуют в создании «благоприятных условий», но и оказывают сопротивление только тогда, когда конфликт разрешается преступным путем.

Случайное виктимное поведение часто обусловлено неосторожностью, доверчивостью, неопытностью. Злостное виктимное поведение связано с активной, настойчивой, требовательной манерой решения проблем.

Виктимность, как правило, есть не что иное, как реализованная преступным актом предрасположенность стать в той или иной ситуации жертвой преступления или способность избежать посягательства, покушения там, где это можно было бы предотвратить.

К профилактическим методам и формам виктимного поведения молодежи можно отнести следующие:

1. Психологическое изучение лиц (психодиагностика), склонных к виктимному поведению (наблюдение, социометрия, тестирование, анализ продуктов деятельности, психоанализ). Создание психологического портрета такого лица (психологическое портфолио).

2. Вербальные методы формирования негативного отношения к виктимно-

му поведению и формирование морально-нравственного поведения в современном обществе (речь дикторов радио-телевидения, речь в сериалах, кино, шоу-бизнесе, лекции, беседы, диспуты, дискуссии, индивидуальная и групповая психотерапия).

3. Психологические и социально-психологические тренинги адекватного поведения в различной социальной среде.

4. Формирование адекватных паттернов поведения в различных ситуациях (дресс-код, манеры, подавление вредных привычек, совершенствование словарного запаса и лексики).

5. Формирование социально-психологического иммунитета к негативным внутренним и внешним факторам (психосоматика, депрессия, истерика, ипохондрия, неврозы, агрессивное поведение окружающих).

6. Демонстрация кино-видеофильмов о процессах и результатах виктимного поведения. Использование арт-терапии в работе с молодежью, склонной к виктимному поведению.

7. Социально-психологическая подготовка к различным негативным внутренним и внешним факторам (психопедагогика). Социально-психологическая работа с семьей и ближайшим окружением молодого человека.

8. Специальная психолого-нравственная работа с жертвами преступлений, стихийных бедствий, катастроф, экономического и политического отчуждения, беженцами, маргиналами.

9. Вовлечение лиц, склонных к виктимному поведению, к общественно-значимой деятельности (волонтеры, члены общественных и спортивно-оздоровительных организаций, клубов, студий, кружков и т.п.).

10. Проектирование (форма активности, направленная на достижение социально значимой цели). Проектирование включает в себя: концептуализацию (разработка концепции проектируемого преобразования), программирование (определение совокупности необходимых видов деятельности в их логической и временной последовательности), планирование действий по реализации проекта, практическая реализация проекта.

11. Исключительно важное значение имеет психологическое сопровождение лиц, склонных к виктимному поведению в жизнедеятельности, которое включает в себя психодиагностику, и психологический мониторинг, и психологическую подготовку, и психологическую защиту, и психологический прессинг, и заканчивается социально-психологической поддержкой жертв преступлений в период социально-психологической ремиссии.

Адекватно проведенные этапы и методы психологического сопровождения лиц, склонных к виктимному поведению значительно снижают стрессогенные и чрезмерно эмоциональные условия различных видов деятельности, повышают их жизненную толерантность, плавное вхождение в социально-приемлемые формы, виды и способы поведения [5, с. 84-85].

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 2000.

2. Бэскинд Э. Энциклопедия личной безопасности. – М.: Аквариум, 1995.

3. Дубягин Ю.П. Следующая жертва – ты. – М.: Азбука безопасности, 1995.

4. Лактионова Т.В. Основы виктимологической профилактики разбоев и грабежей. – М.: Адвокатская практика, 2005.

5. Мельников В.М., Юров И.А. Системно-комплексная структура личности. В сборнике: От истоков к современности – 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах. Ответственный редактор: Богоявленская Д.Б.. 2015. С. 84-85.

6. Максименков А.А., Майоров А.В. Психологические аспекты виктимности // Виктимология. 2015. № 4(6). С. 26-29.

7. Юров И.А., Юрова К.И. Психология личности: структура и функции // Дружининские чтения. Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции. г. Сочи, Сочинский государственный университет, 22-24 мая 2014 г. / под ред. И.Б. Шуванова, С.В. Воронина, И.Г. Макаревой, Ю.Э. Макаревой, С.Н. Тесля, В.П. Шувановой. – Электрон. текст. дан. (1 файл 3,6 Мб). – Киров: МЦНИП, 2014. – С. 190-192.

ЮРОВА Ксения Игоревна, кандидат исторических наук, декан факультета экономики и права, Московский инновационный университет, Москва
E-mail: Dekan.urio@mail.ru

ЮРОВ Игорь Александрович, кандидат психологических наук, зам. декана факультета гуманитарных наук и управления, Московский инновационный университет, Москва
E-mail: sov36@mail.ru

Yurova K.I., Yurov I.A.

PSYCHOLOGY YOUTH VICTIM BEHAVIOR

The article presents a description of the psychology of victim behavior of young people and proposed forms, methods and techniques of psychological prevention of victim behavior of young people.

Keywords: *victomologiya, ictimization, victimization, psychodiagnostics, psychology, youth, design, psychotherapy.*

YUROVA Ksenia Ig., Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Economics and rights, Moscow Innovation University, Moscow
E-mail: Dekan.urio@mail.ru

YUROV Igor A., candidate of psychological sciences, deputy. Dean Faculty of Humanities and Management, Moscow Innovation University Sitet, Moscow
E-mail: sov36@mail.ru

Ильюк Е.В.

ВИКТИМНОСТЬ РОЖДАЕТСЯ В СЕМЬЕ (О ЖЕРТВАХ ИНЦЕСТА)

Инцест как сексуальные отношения между членами семьи (кроме супругов) имеет максимальную латентность и одновременно очень распространен в обществе. Несмотря на отсутствие видимых травм инцест имеет очень тяжелые психологические последствия: ПТСР, виктимность, девиантное поведение, депрессии и суициды, нарушения психо-сексуальной ориентации, является фактором возникновения парафилий. В инцестные отношения вовлечены все члены семьи, все являются хранителями «семейной тайны», которая искажает семейные роли. Инцестные отношения — это длительные отношения, и если они не прерываются, в будущем возможно возникновение «второго (следующего) круга» инцестных отношений.

Ключевые слова: *инцест, виктимность, ПТСР, латентность, семейная тайна, «стокгольмский синдром», психологическая защита «отрицание».*

Запрет на инцест — самый древний и самый жестокий в человеческом обществе, но запрет не привел к его исчезновению. Когда инцестные отношения стали негативно оцениваться обществом, семья предпочла скрывать «позор семьи». Инцест стал латентным, надежно охраняемым «семейной тайной», скрывая социально неодобряемое поведение. В реальной жизни инцест встречается часто, но вследствие того, что семьи скрывают этот факт, в обществе он до сих пор считается редким явлением.

Инцест характеризуется максимальной латентностью. По данным Д. Мейнхенбаума только 2 % жертв внутрисемейного и 6 % жертв внесемейного насилия сообщают о случаях насилия властям[9].

Под инцестом понимаются сексуальные отношения между членами семьи, исключая супругов. При инцесте происходит вовлечение зависимых, психически и физиологически незрелых детей и подростков в сексуальные действия, нарушающие общественные табу семейных ролей, которые они еще не могут полностью понять и на которые не в состоянии

дать осмысленного согласия, даже согласие старших подростков не может быть приравнено к согласию взрослого человека. Особенности детско-родительских отношений, основанных на доминировании родителя и подчинении ребенка, не предполагают использования понятия «свободный выбор» из-за зависимости ребенка от взрослого родственника. У ребенка нет выбора: он может бояться репрессий, которым будет подвергнут в случае отказа от сексуальной близости, родитель может наказать ребенка, отказать в удовлетворении его потребностей.

Иногда дети и подростки ведут себя провокационно и соблазняют взрослых («соблазняющий ребенок»). Если ребенок начинает понимать, что сексуальное поведение — способ получения определенных выгод, то он может использовать его. Однако в любом случае ответственность лежит на взрослом. Ребенок всегда должен расцениваться как жертва, даже если он демонстрирует соблазняющее поведение. Он является жертвой семейной дисфункции, а не только сексуального акта или парафилии. Если инцестное по-

ведение в семье обусловлено личной историей родителей, то они также могут рассматриваться как жертвы собственного травматичного опыта, а инцест – как результат действия семейных сценариев, передающимися из поколения в поколение.

Сексуальное злоупотребление обычно осуществляется близкими, совместно проживающими лицами, от которых ребенок полностью зависит, авторитетными для ребенка, находящимися с ним в постоянном, глубоком эмоциональном контакте. Самые распространенные «пары»: отец/отчим- дочь; брат- сестра, далее по убыванию: бабушка-внучка, дядя-племянница, мать-сын.

В паре «отчим- падчерица» отчиму оправдывают себя в своих глазах тем, что биологического инцеста нет, реже проявляется схема: отец- ребенок.

Виновниками инцеста в большинстве случаев являются лица мужского пола (отцы, дяди, бабушки, старшие братья). Это может иметь медицинское (парафилии встречаются у мужчин, хотя другие расстройства поведения встречаются и у женщин) и психологическое объяснение. Небольшое число инцестных связей между матерью и сыном по сравнению с отношениями между отцом и дочерью З. Фрейд, Б.Малиновский, В.З.Сeligman объясняли тем, что все женщины рассматривались в качестве сексуального объекта, дочь «принадлежала» отцу и рассматривалась как его «собственность» [5, с.3]. Отношения были с отцами или отчимами были также более длительными по времени.

Мамы-жены молчат, храня «семейную тайну». Тайна, как правило, связана с опасностью, реальной или мнимой. Когда мы прикасаемся к тайне, оказывается, что есть множество причин, по которым больно, страшно или стыдно ее раскрывать. Страх за близких, их благополучие, целостность семьи или сохранение своего места в ней приводит к тому, что человек решает оставить все так, как есть, и не раскрывать другим семейный секрет. Человек хранит тайну, потому что он опасается за себя – свою репутацию, физическое здоровье, жизнь; боится за близких людей, которые могут пострадать в случае открытия секрета; переживает за значимые отношения (за брак) — их стабильность и надежность.

Семейные тайны чаще всего маркируют интроекты: «мы не должны никому ничего говорить»; «не выноси сор из избы»; «молчание – золото» и т. п. Главное послание, которое члены семьи получают вместе с интроектами: «мы должны хранить тайну любой ценой. Открыв секрет, ты утратишь право на членство в семье». Тайна никогда не принадлежит одному человеку – она всегда носит системный характер. Ее сокрытие связано с тем, что хранители боятся разрушения сложившихся отношений, утраты благ, социального статуса семьи или ее членов. Разглашение секрета приведет к изменениям, и есть вероятность, что они будут неблагоприятными. Возникающие чувства, с которыми сложно справиться, усиливают тревогу. Тайна тем или иным образом касается всех участников системы, всех аспектов сложившихся отношений, и ее рассекречивание может привести к изменению образа «мы» семьи.

С одной стороны, сохранение тайны носит защитный характер: обычно скрывается информация, которая может дестабилизировать или негативно повлиять на жизнь семейной системы. С другой стороны, само наличие тайны разрушает семью. Тайна и защищает, и разрушает семью. Однако нераскрытая тайна ведет к тому, что в доме у «Синей Бороды» появляются все новые и новые невесты [7].

Если хорошо спрятать тайну не удастся, то фантазии о ее раскрытии со временем хронифицируются и обретают форму привычного стереотипа: вспомнил (когнитивный процесс); испытал стыд, испугался, разозлился, расстроился, почувствовал себя виноватым (эмоциональный процесс); в очередной замолчал и перестал дышать («паническая атака») или окаменел (на профессиональном языке – усилил мышечный панцирь, спровоцировал выброс в кровь порции кортикостероидных гормонов и т. п.), т.е. телесный процесс.

Хранение тайны медленно «убивает» человека – психологически, физически, социально. Но человек в это не верит и продолжает хранить в недрах своей души запасы «радиоактивных веществ», отравляющих жизнь и ему, и близким людям. Основная причина: человек любит своих близких, всю свою семью и боится, что, если тайна раскроется, они пострадают.

Семейные секреты хранят осознания значимости семейных отношений и ценности принадлежности к этому кругу [7]. Иногда со временем на лобовь наслаиваются обиды, злость, непонимание, печаль, другие чувства и переживания. Мотивом сохранения семейной системы при инцесте является базовая потребность в принадлежности к группе.

Огромный груз скрываемой информации и необходимость все время держать лицо (маску) приводят к тому, что посвященные испытывают хроническое напряжение.

Вырастая, жертва инцеста продолжает молчать. Часто даже воспоминание об инцесте ведет к глубокому регрессу и возвращению в прошлое, где жертва была беспомощной и уязвимой.

Однако роль мамы-жены состоит не просто в «невмешательстве» в ситуацию, нередко она молчаливо «одобряет» действия мужчины, допускающего сексуальное злоупотребление, позволяя ему эти отношения. В связи с сексуальным «дисбалансом» в супружеских отношениях она вынуждена «закрывать глаза» на поведение супруга либо за пределами семьи, либо в семье. Но если первое угрожает стабильности брака, то при втором варианте не возникает угрозы стабильности семьи, сохранение тайны сплачивает семью, психологическое и физическое здоровье ребенка является «платой», «ценой» сохранения семьи. Психологическим и физическим здоровьем ребенка мама-жена расплачивается за стабильность брака.

Ребенок-жертва не получает поддержки в семье, самые близкие люди, которые должны его защищать и оберегать – его предали. Не имея опыта противодействия таким действиям, не осознавая его противоправный характер (осознание зависит от возраста), социальный характер ребенок не может выбрать адекватный способ защиты. Когда ребенок в силу возраста еще не может оценить социальную характеристику действий в его отношении, он в ходе социализации привыкает к мысли, что сексуальные отношения родителей с детьми – это «норма» семейных отношений.

Инцест можно рассматривать как глубокое нарушение жизнедеятельности всей семейной системы, остающееся невидимым для социального окружения.

Родственники жертвуют своей индивидуальностью во имя лояльности семье. Она воспринимается как группа, члены которой взаимно принадлежат друг другу, что распространяется и на половые взаимоотношения. Подобная жизнь в семье требует тайного поведения. В ней нежелательны беременности, поскольку, с одной стороны, они приводят к временному распаду семейного монолита, а с другой – способствуют разглашению семейной тайны. Сохранение тайны необходимо для того, чтобы не получить репутацию плохой семьи, поэтому каждый член семейной системы старается быть верным негласному договору о молчании.

Инцестные семьи, как правило, живут замкнуто, имея минимальное количество контактов с внешним миром. В случае возникновения связи «отец – дочь» мать-жена подсознательно или осознанно передает ей обязанность по сексуальному обслуживанию отца-мужа. Установление же связи «брат – сестра» чаще всего имеет целью ослабить воздействие матери на сына. Оба варианта инцестных отношений всегда сопровождаются конфликтами между сторонами, обусловленными либо отсутствием духовной близости, либо неудовлетворенностью в сексуальной сфере. Мать-жена исключается из супружеской подсистемы, занимает по отношению к дочери амбивалентную позицию и выполняет иную роль. Жена «передает» собственные супружеские функции дочери, перекладывая на последнюю ответственность за сохранение семьи. Дочь становится дочерью-женой, а жена изменяющего супруга – супругой-тещей, поскольку ее дочь уже выполняет роль «жены».

В связи с особенностями личной и семейной истории матери, сами бывшие жертвами инцеста, следуя семейному сценарию, могут неосознанно провоцировать или поддерживать инцестуозное поведение мужа. Повторное столкновение с инцестом в отношениях «отец – дочь» приводит к актуализации ранних переживаний и дает возможность либо реконструировать собственный опыт (например, узнав об инцесте, развестись с мужем), либо продолжать уходить от реальности, используя различные механизмы психологической защиты (вытеснение, отрицание, проективную идентификацию и др.). В инцест оказываются вовле-

чены все члены семьи, его следствием является нарушение ролей и взаимодействия всех членов семьи.

Такая ситуация возникает в семьях с нездоровыми супружескими отношениями, которые женщины в силу ряда причин (материальная и другая зависимость, многодетность, страх перед агрессивным мужем, личностная незрелость и др.) не могут прекратить. В этих случаях ребенок оказывается жертвой и лишен возможности быть защищенным матерью, так как мать косвенно поддерживает инцестуозное поведение мужа. Насильник всегда рядом, он контролирует ситуацию.

Совместно проживающие лица находятся в со-зависимости. В поведении матери и других родственников включается психологическая защита «отрицание» («ничего не вижу»). Отрицание – это способ справиться со сложными и болезненными ситуациями: не признавать случившееся, и тогда событие, поступок, чувство или проблема волшебным образом «исчезнут». В этом случае человек уверенно говорит, что «все прекрасно», «ничего страшного не случилось» или что «вообще ничего не было», «у меня все хорошо». Как сказала одна из потерпевших: «С этим невозможно жить, надо побыстрее забыть, вычеркнуть, так, как если бы этого не было вообще, иначе просто сойдем с ума» [8].

Другой защитный механизм – «расщепление» заключается в том, что внешний мир разделяется на абсолютно хорошие и абсолютно плохие объекты. Все мы ежедневно сталкиваемся с социальной реальностью, где одним приписываются исключительно положительные, а другим – сугубо отрицательные черты, намерения, мотивы. В контексте семейных тайн расщепление у одного члена семьи ведет к расщеплению во всей системе.

Ценой за хранение тайны могут стать хронические чувства стыда и вины, тревога, страх, ощущение собственной грандиозности или никчемности, невозможность строить настоящие, искренние отношения, отказ от любви и доверия, отсутствие совместно переживаемого опыта близости и сопричастности, депрессии, «панические атаки». Бремя тайны иногда несут на себе несколько поколений [7].

Обычно инцест начинается с мало-

летнего возраста потерпевших (чаще с 8-12 лет) и принимает характер длительного сожительства, нередко сочетающийся с другими формами жестокого и небрежного отношения. Криминально-сексуальные действия внутри семьи – это систематические действия, длящиеся в течение определенного периода (продолжительная инцестуальная связь), которая носит «характер массивной и длительной психотравмы» [4, с.70].

При длительном инцесте, начавшемся в раннем возрасте, у потерпевших возникают характерные психические расстройства с определенной динамикой, которые укладываются в рамки своеобразных психогенных и патохарактерологических развитий личности. В основе психогенных развитий лежит дистресс, перерастающий в депрессию с аффективным истощением, которая сопровождается формированием личностных и психосексуальных расстройств [6].

Распространенность ПТСР среди потерпевших объясняется тем, что сексуальная травма относится к сильнейшему психотравмирующему и экстремальному событию. Сложность и своеобразие психогенных расстройств при длительном внутрисемейном сексуальном насилии–инцесте — заключаются в том, что они развиваются не после однократных массивных психических травм, а в результате продолжительного действия своеобразной сексуальной травмы, нередко сочетающейся с другими формами жестокого и небрежного отношения со стороны кровных или некровных родственников [6]. Механизмы действия сексуальной травмы в этих случаях зависят от ее особенностей — массивности (частота и тяжесть сексуальных действий), преобладания острого, неспецифического, шокового или хронического, неагрессивного травматизирования, которое приобретает характер «жизненной ситуации» и сочетается с имитацией ребенком поведения посягателя. Кроме того, неоднозначность сексуальных эксцессов определяется возрастом детей, с которого они начинают подвергаться насилию, этапом психосексуального и уровнем психического развития, а также их биологическими и индивидуально-психологическими особенностями. На 1-м этапе (психогенной сенсбилизации) сексуальные эксцессы приводят к возникновению аффективных субшоковых реакций с по-

следующими астеническими и невротическими проявлениями. С возрастом в процессе психосексуального созревания с появлением и расширением информированности в области половых отношений и морально-нравственных норм появляется осознание инцеста как общественно неприемлемой формы. На 2-м этапе (невротическом) примерно с препубертатного возраста у потерпевших формируется комплекс аффективно насыщенных сверхценных переживаний с фиксацией на них, стойкое негативное отношение к посягателю, появляются депрессивные и личностные расстройства, агрессивное аутистическое фантазирование. В структуре синдрома фантазирования типичны фантазии на тему избавления от источника насилия с образным представлением сцен его гибели от несчастных случаев или даже мыслями о собственном участии в его смерти. При патохарактерологическом варианте трансформации личностных структур наблюдается сочетание повседневного травматизирования с прямым культивированием родителями социально неприемлемых форм проявления сексуальной активности и имитацией ребенком существующих в семье отношений. Для него типично наличие выраженных психопатоподобных расстройств, которые сопровождаются психосексуальным дизонтогенезом в виде опережения и извращения становления сексуальности вплоть до формирования садомазохистских тенденций с гомосексуальной ориентацией у мальчиков. Для таких детей характерны сексуализированное поведение и игры, в которые они вовлекают других малолетних. Подобное поведение является примером вторичной виктимизации и способствует совершению по отношению к ним повторных посягательств уже другими лицами [1, с.34-37].

В соответствии с теорией травматизма, жертвы сексуального насилия могут повторять или воспроизводить акты насилия как попытку овладения неодолимым конфликтом. Травматическая память остается активной и неподверженной прямому воздействию до тех пор, пока она не переместится в прошлое.

У мальчиков, подвергшихся сексуальному насилию, особенно пролонгированному, возникают различные формы нарушений поведения: девиантное, делинквентное, ауто-гетероагрессивное по-

ведение, а также сексуальные проблемы от страха будущих интимных отношений, нарушения психосексуальной ориентации до формирования парафилий и криминального сексуального поведения у взрослых, вплоть до становления «серийных убийц» [6]. Сексуальное насилие нередко становится причиной «вторичной виктимизации», когда жертва снова и снова подвергается ему уже со стороны других лиц. Исследования свидетельствуют не только о возникновении девиантных форм поведения у жертв сексуального насилия, но и «отмечают преемственность» аномального сексуального поведения у лиц, подвергавшихся сексуальным притязаниям в детском возрасте. Они показывают тесную связь между насилием в детском возрасте и преступными сексуальными действиями в отношении несовершеннолетних в будущем [3]. Это особенно характерно для педофилов гомосексуальной направленности. В инцестуозной среде «у человека происходит фиксация на первоначальных сексуальных объектах, которыми являются родители, поэтому он не нуждается в сексуальных контактах за пределами своей семьи» [10, с.132].

Значительное число лиц, совершивших сексуальные действия с детьми, не обнаруживают признаков расстройства влечения (педофилии), они совершали указанные действия в состоянии опьянения и ребенок, как объект - жертва, был выбран случайно, вследствие своей доступности. В этих случаях выбор незрелого объекта может быть обусловлен недифференцированностью сексуального влечения или бредовыми мотивами, что бывает у лиц, страдающих различными психическими расстройствами.

В некоторых случаях, при эгодистоническом варианте парафилии, испытываемые стремятся к «компенсации» имеющихся расстройств за счет принятия социально приемлемых форм поведения (вступление в брак, педагогическая деятельность), однако, в качестве идеального сексуального партнера продолжает доминировать незрелый объект. Характерно стремление к стабилизации устойчивости образа «Я» за счет взаимодействия с сексуальным объектом менее зрелым, по сравнению с нормативным, более безопасным в психологическом плане и более прогнозируемым.

Выбор объекта сексуальных притязаний из ближайшего окружения (внутри своей семьи) был обусловлен искажением полоролевой идентичности и трудностями коммуникации со зрелым гетеросексуальным объектом. Конфликтные отношения с женой были обусловлены наличием неприязненного отношения к ней как к сексуальному объекту. Реализация аномального сексуального поведения у этих лиц связана с наличием бредоподобных идей эротического характера, при которых они воспринимали собственных детей как неродных и более взрослых, приписывали им стремление к сексуальным контактам, объясняли правонарушение сексуальной провокацией со стороны потерпевших, распространяли негативное отношение к жене на женщин в целом и переносили сексуальную активность на детей, как «более невинных и чистых», по сравнению со зрелыми женщинами. Выбор незрелого сексуального объекта в этих случаях обусловлен либо возможностью реализации в отношении него «незрелой» эротической активности и выражения тем самым свой сексуальности, которая вследствие снижения сексуального либидо регрессирует на эрото-платоническую стадию, либо является для них способом избегания неудачи при сексуальных контактах со зрелым гетеросексуальным объектом и осуществления доминантной стратегии поведения, что способствует разрешению полоролевого конфликта и стабилизации внутренне-го состояния.

Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), возникающее у потерпевших, согласно американскому классификатору психических расстройств DSM-IV, возникает после переживания страха, ужаса или беспомощности в срок от одного до шести месяцев и имеет следующий комплекс симптомов: повторяющееся воспроизведение события, соответствующих образов, мыслей и чувств, вызывающее тяжелые эмоциональные реакции; постоянное избегание стимулов, связанных с событием; оцепенение, эмоциональная блокировка; возрастающее напряжение и возбуждение.

Сексуальное насилие, особенно перенесенное в детском и подростковом возрасте, накладывает отпечаток на еще не сформировавшуюся психику и носит достаточно долговременный характер. Ис-

следования, проведенные Н.Л. Бундало [2], показали наличие зависимости развития ПТСР от длительности переживания лицом травматического события. В исследовании было предложено диагностировать острый период ПТСР при наличии характерных клинических признаков в течение 1,5 месяцев (нескольких недель), при длительности клинических проявлений от 1,5 до 6 месяцев - подострое ПТСР, в течение 6 и более месяцев - хроническое ПТСР. Пациенты с ПТСР средней и тяжелой степени были тяжело травмированы с детства. В анамнезе у них были выявлены инцест и другие множественные тяжелые, очень тяжелые и катастрофические психические травмы острого и хронического характера. Они практически всю жизнь прожили и продолжали жить в состоянии тяжелого стресса [2, с. 33-34, 41-42].

У лиц с ПТСР возникало чувство одиночества (у 80%, даже в обществе), ощущение безнадежности будущего; у 60 % — снижение сексуального влечения; мысли о собственной никчемности, низкая самооценка; перед значимым событием — страх, паника; социофобии (страх наказания, несмотря на зрелый возраст), агорафобии, ухудшения памяти психогенного характера; вспышки гнева — импульсивные влечения крушить, ломать, швырять предметы, кричать, спорить; беспокоящее ощущение, что другие люди наблюдают, возникали психологические защиты в виде регрессии, проекции (замечать в других то, что не замечали в себе); защитная избирательность в отношении информации (впускать или не впускать); низкая либо завышенная самооценка.

Несовершеннолетние потерпевшие пытались продолжать поддерживать связь со значимым взрослым, от которого зависит их благополучие, между ребенком и агрессором возникала тесная эмоциональная связь, симпатия, или страдающая сторона объясняла поведение агрессора как единственно возможное, что демонстрировало проявление «стокгольмского синдрома» [8].

У жертвы формируются виктимные качества. Виктимная личность — это личность, ограниченная в своих возможностях, лишенная условий, необходимых для выживания и развития. Ограничения и лишения касаются двух основных сфер: межличностных отношений, что

проявляется в отсутствии эмоциональной поддержки, человеческих отношений, принятия, тепла от близких; собственного «я», в нарушении личных границ, их размывании, потере способности защищать собственное пространство, утрате ответственности за свою жизнь, склонности некритично подчиняться воле других людей. Виктимная личность не умеет отказывать, защищать свои интересы, самоутверждаться. Виктимная личность – личность зависимая. Ее собственные желания, цели, мнения, интересы подменяются желаниями, целями, мнениями, интересами значимых других, возникает стремление соответствовать ожиданиям окружающих. Такой человек характеризуется недостатком активности, независимости, самобытности, у него наблюдается низкая приспособляемость.

Виктимное поведение транслируется из поколения в поколение. Формируется виктимное поведение, виктимное самоощущение, виктимный взгляд на мир и самого себя.

Как театр начинается с вешалки, так виктимизация начинается с семьи. Даже те родственники, которые не являются прямыми объектами агрессии, унижения и нападок, но присутствуют в качестве постоянных свидетелей этого, подвержены вторичной виктимизации. За счет эмпатии, то есть способности вчувствоваться в переживания другого человека, а также благодаря идентификации свидетели насилия и третирования погружаются в те же чувства, которые испытывает жертва. Жертва может вырастить только жертву.

Чтобы превратить человека в жертву, нужно время. Когда агрессор и жертва живут в одной семье, их деструктивные действия – унижение, оскорбление – регулярно повторяются. Раз за разом один член семьи контролирует другого, управляет его жизнью, издевается над ним. Вначале жертва сопротивляется, пытаясь прямо или косвенно проявить ответную агрессию. Но наступает момент, когда она забывает лозунг «никогда не сдавайся» и смиряется.

Виктимное поведение малолетних и несовершеннолетних является многофакторным феноменом, который заключается в нарушении произвольной регу-

ляции поведения и реализации неэффективных стратегий в ситуациях сексуальных посягательств, что способствует превращению жертвы из потенциальной в реальную [1].

Семья поддерживает сохранение жертвенных сценариев. Инцест никогда не заканчивается одной жертвой. В этом же поколении, в следующем или через поколения семья воспроизведет дуэт «жертва – тиран». Тщательно скрываемая от внешних глаз инцестная связь в дальнейшем может быть повторена детьми в новых отношениях, потому что для них она стала нормой.

Если нормальная, здоровая агрессия нужна в семье для поддержания дисциплины и воспитания детей, наведения порядка, обозначения границ, то при садо-мазохистских отношениях один из участников становится марионеткой, куклой, его заставляют делать то, что разрушает его «я». И когда об этом нельзя говорить, возникает тайный сговор между тираном и жертвой. Тайна предполагает союз двух или больше человек, один из которых вынужден молчать. Все это может происходить при попустительстве остальных членов семьи (со-зависимых).

У агрессора появляется ощущение, что жертва инцеста должна принадлежать только ему. В отношениях «отец – дочь» отец может начать ревновать дочь к ее знакомым и мешать установлению контактов со сверстниками. Если большинство родителей испытывают лишь некоторую тревожность, когда их взрослые дети уходят на свидания, то агрессор воспринимает это как предательство, нарушение лояльности, продуцируя реакции ярости, обвинения с последующим наказанием подростка. Подобное поведение отца нарушает нормальное развитие дочери. Вместо того чтобы становиться постепенно более независимой от родительского контроля, жертва инцеста все сильнее «сливается» с агрессором, что приводит к усилению ее изоляции от внешнего мира.

В дальнейшем при недоступности прежнего (привычного) объекта влечения преступником осуществляется поиск других потерпевших в семейном кругу или за его пределами с возрастанием уровня агрессии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бадмаева, В. Д. Последствия сексуального насилия у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова - 2009. - Том 109, № 12. С. 34-37.
2. Бундало Н.Л. Посттравматическое стрессовое расстройство (клиника, динамика, факторы риска, психотерапия). Автореф. дис. ... д.м.н. Спб, 2008.
3. Бухановская О.А. Психические расстройства у лиц с серийными сексуально опасными действиями (клиника, динамика, систематика). Автореф. дис. ... к.м.н. М., 2003.
4. Васкэ Е.В. Психологические механизмы переживания сексуального насилия малолетними жертвами инцеста. Прикладная юридическая психология. 2015. № 1.
5. Ениколопов С.Н., Хвостова Е.С. Взгляды на инцест в контексте разных культур и традиций. Современное состояние проблемы. Электронный журнал «Психологическая наука и образование» <http://www.psyedu.ru>
6. Морозова М.В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза малолетних и несовершеннолетних на способность давать правильные показания. – Дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1994; Детская социальная психиатрия для непсихиатров. Н. М. Иовчук, А. А. Северный, Н. Б. Морозова. 2006. СПб: Питер.
7. Олиферович Н. Семейные тайны. Хранить нельзя открыть //Изд-во Питер. Спб., 2016. http://loveread.ec/view_global.php?id=55000
8. Руководство по судебной психиатрии/Под ред. А.А.Ткаченко. – М.: Изд-во Юрайт, 2012. 895 с.
9. Спадерова Н.Н. Актуальные вопросы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы детей и подростков, в отношении которых было совершено сексуальное насилие (в практике отделения амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз)//Естественные науки. Академический журнал Западной Сибири. 2015. Том 11. № 2 (57). С. 136-137.
10. Meinchenbaum D.A. A clinical handbook, practical therapist manual for assessing and treating adults with post-traumatic stress disorder (PTSD) / Waterloo? ON: Institute Press, 1994.
12. Fox J.R. Sibling incest// British Journal of Sociology. 1962 .№128

ИЛЬЮК Елена Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации». ИПК, 2 факультет. г. Екатеринбург.
E-mail: Elena.ilyuk@mail.ru

Ilyyuk E. V.

VICTIMIZATION IS BORN IN THE FAMILY (INCEST)

Incest as sexual abuse between family members (other than spouses) has a maximum latency and at the same time very common in society. Despite the lack of visible injuries incest has a very heavy psychological consequences: PTSD, victimization, deviant behavior, depression and suicide, disorders of psycho-sexual orientation is a factor in the emergence of paraphilia. The incestuous relationship involves all members of the family, all are the keepers of the «family secrets» that distorts the role of the family. Incestuous relationship - a long-term relationship, and if they will not be interrupted, in the future, you may experience a «second (next) round,» incestuous relationship.

Keywords: *incest, victimization, PTSD, latency, family secret, «Stockholm Syndrome», a psychological defense of «denial.»*

ILYYUK Elena V., candidate of law.N., associate Professor, Department of criminal law, FGCO IN the “Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation”. IPK, 2 faculty. Ekaterinburg.
E-mail: Elena.ilyuk@mail.ru

Кабанов П. А.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ МИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В работе на основе статистических показателей 2014-2015 годов исследуется криминальная виктимность мигрантов в Российской Федерации. Выделяются основные показатели, характеризующие криминальную виктимность: общее количество жертв-мигрантов; структура жертв-мигрантов (по социально-демографическому критерию: полу и возрасту и правовому – степени тяжести совершенных в отношении их преступлений и их видам); криминальная смертность жертв-мигрантов.

Ключевые слова: *виктимология, жертва, жертва-мигрант, криминальная смертность мигрантов; криминальный травматизм мигрантов.*

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что изучение тенденций современной российской преступности невозможна без учета, вызванных ею негативных последствий для различных категорий (групп) населения. Если виктимологическая характеристика лиц постоянно проживающих на определенной территории вещь обыденная, то исследование последствий российской преступности для мигрантов ещё остается за пределами научных интересов отечественных специалистов. Современная российская криминологическая наука больше исследует преступность мигрантов [1; 2; 3, с.219-224; 5; 6, с.197-202; 9, с.68-73; 10, с.85-87; 12; 13; 21, с.26-32; 22, с.15-18; 23, с. 146-153], иногда именуемой термином «миграционная преступность» [4, с.83-87; 7, с.110-111; 18, с.332-337; 20], чем негативные последствия самой преступности на жизнь лиц перемещенных с мест своего постоянного проживания. Имеется лишь небольшое количество научных статей в периодических изданиях либо разделов в монографических исследованиях, где обращается внимание на виктимологические аспекты миграционных процессов [8, с.74-76; 14, с.39-41], викти-

мологическую характеристику миграционной преступности [19, с.65-67] либо преступности иностранцев [17, с.214-222], особенности (специфику поведения) жертв-мигрантов отдельных видов преступности [15, с.77-82], их виктимность [11, с.24-28], а также меры по обеспечению их виктимологической защиты [16, с.225-227]. Вне научных интересов оказывается целый блок вопросов, связанных с анализом данных современной официальной российской виктимологической статистики, позволяющих анализировать состояние не только преступности, но и её обратной стороны – криминальной виктимности мигрантов. В целях восполнения этого пробела нами были запрошены и получены с ГИЦ МВД России статистические данные за период 2014-2015 гг. о количестве мигрантов потерпевших от преступлений с разбивкой по группам преступлений, предусмотренных УК РФ.

Выбор исследуемого периода обусловлен тем, что лишь с 2014 года в Российской Федерации стала формироваться относительно полная база статистических данных с указанием статуса жертвы – мигрант. В связи с этим можно констати-

ровать, что подобные виктимолого-статистическое исследования до настоящего времени в Российской Федерации не проводились. Хотя за рубежом, в связи с известными событиями на Ближнем Востоке (Ливия, Иран, Сирия и др.) исследование криминальной виктимности мигрантов явление обыденное [24, с.34-61].

Анализ полученной статистической информации о потерпевших от преступлений в Российской Федерации показал, что общее количество жертв-мигрантов в исследуемой нами период составило 2523 человек или 4% от общего количества учтенных потерпевших. Из них в 2014 году было зарегистрировано 1254 потерпевших, в 2015 – 1269 или 1,2% больше.

Важное криминологическое значение имеет характеристика жертв по степени тяжести совершенных на них преступлений, которая определяет характер и степень общественной опасности последствий российской преступности для них. Этот значимый показатель последствий российской преступности мы проанализируем в отношении мигрантов, пострадавших от преступлений.

В исследуемый нами период жертвами особо тяжких преступлений стали 230 мигрантов, из них 102 человека в 2014 году, а в 2015 – 128. Очевиден годовой прирост этого показателя на 25,5%, что свидетельствует о негативных тенденциях. В тоже время жертвами тяжких преступлений в рассматриваемый период были зарегистрированы 480 мигрантов, из них в 2014 году 264 человека, а в 2015 – 218. Здесь заметно снижение показателя на 17,4%.

Потерпевшими от преступлений средней тяжести в исследуемый период был учтено 1028 мигрантов, из них в 2014 году 515 человек, а в 2015 – 513 или меньше всего лишь на 2 человека.

Жертвами преступлений не большой тяжести оказалось 769 мигрантов, из них в 2014 году 373 человека, а 2015 – 392. Прирост этого показателя составил 5,1%. (См. Диаграмму №1).

Простая математическая обработка полученных статистических данных показала, что доля мигрантов ставших жертвами тяжких и особо тяжких преступлений составила лишь 28,1% случаев из всех попавших в официальную российскую криминальную виктимологическую статистику, а оставшиеся 71,9% – это жертвы преступлений небольшой и средней тяжести. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации мигранты чаще становятся жертвами преступлений небольшой и средней тяжести, а жертвами тяжких и особо тяжких преступлений значительно реже.

Обратившись к анализу структуры потерпевших от преступлений из числа мигрантов, мы обнаружили, что доля мигрантов женского пола не велика и составила 620 человек или 24,6% от их общего количества. При этом в 2014 году было учтено 302 потерпевших от преступлений женщин-мигрантов, а в 2015 – 318. Прирост этого показателя составил 5,3% или несколько выше общего прироста криминальной виктимности мигрантов. В процентном соотношении доля женщин мигрантов потерпевших от преступлений составляла в 2014 году 24,1%, а в

Диаграмма соотношения жертв-мигрантов по степени тяжести совершенных против них преступлений в России (2014-2015 гг)

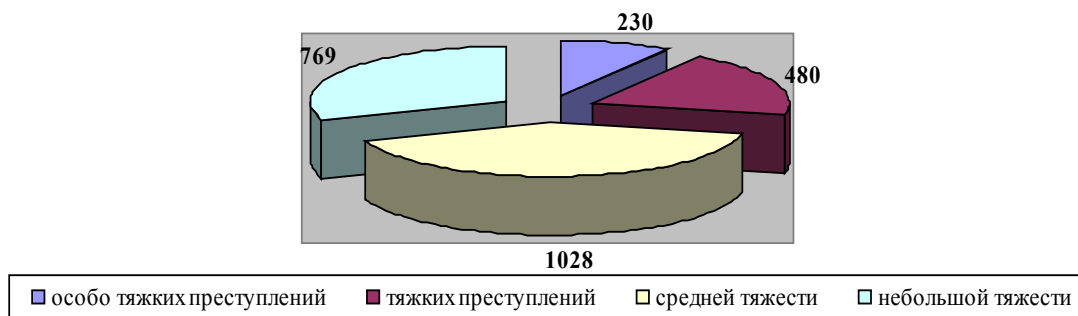

Диаграмма №1

2015 году 25,1%. Здесь очевиден прирост данного качественного показателя на 1%. Следовательно, можно отметить нарастающие негативные тенденции характера российской преступности – рост потерпевших от преступлений женщин-мигрантов (женской криминальной виктимности среди мигрантов).

Еще одним показателем, характеризующим негативные последствия виктимности мигрантов, выступает детская криминальная виктимность. В рассматриваемый нами период было учтено 66 потерпевших мигрантов несовершеннолетнего возраста или 2,6% от всех признанных таковыми потерпевших мигрантов. При этом в 2014 году их было зарегистрировано 30 человек, а в 2015 – 36 или на 20% больше. Здесь мы тоже наблюдаем неблагоприятную тенденцию – рост детской криминальной виктимности среди мигрантов.

Обратившись к структурному анализу жертв преступлений из числа мигрантов, необходимо отметить, что значительная доля их приходится на три группы преступлений: а) преступлений против собственности; б) преступлений против жизни и здоровья и в) преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. В совокупности на долю этих групп преступлений приходится 2249 человек или 89,1% всех жертв этой категории преступлений, а среди жертв иных преступлений доля этой категории

лиц незначительна и составляет чуть более 10%.

В рассматриваемый нами период на территории Российской Федерации наибольшее количество жертв преступлений среди мигрантов зарегистрировано в результате совершения преступлений против собственности – 1579 человек, или 62,6% от общего количества жертв преступлений этой социальной группы. При этом в 2014 году их было зарегистрировано 817 человек, а в 2015 – 780 или на 6% меньше. Учитывая важность и значимость структурного анализа для исследования, мы осуществили группировку данной категории жертв по способу совершения в отношении их преступлений на отдельные подгруппы. В результате такой группировки обнаружили следующее:

а) жертвами тайного хищения имущества (кражи – ст. 158 УК РФ) оказался 981 мигрант (в 2014 г. – 488, в 2015 г. – 495);

б) жертвами различных видов криминального мошенничества (ст.ст. 159-159.6 УК РФ) – 240 (в 2014 г. – 127, в 2015 г. – 113);

в) жертвами грабежа (ст. 161 УК РФ) – 155 (в 2014 г. – 90, в 2015 г. – 65);

г) жертвами разбоя (ст. 162 УК РФ) – 76 (в 2014 г. – 37, в 2015 г. – 39);

д) жертвами вымогательства (ст. 163 УК РФ) – 21 (в 2014 г. – 11, в 2015 г. – 10). (См. Диаграмму №2)

Структура статистических показателей, характеризующих жертв-мигрантов от преступлений против собственности в зависимости от способа совершения преступления (2014-2015 гг.)

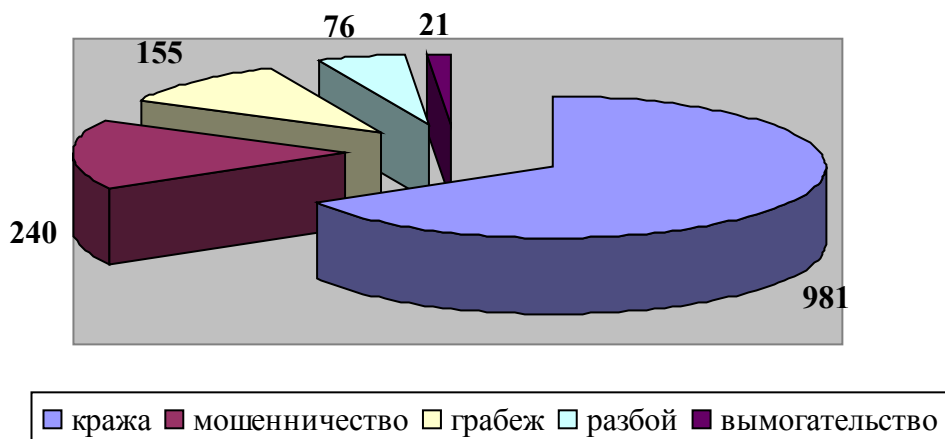

Диаграмма №2

Структура статистических показателей, характеризующих
количественные показатели жертв-мигрантов от преступлений против
жизни и здоровья
(2014-2015 гг.)

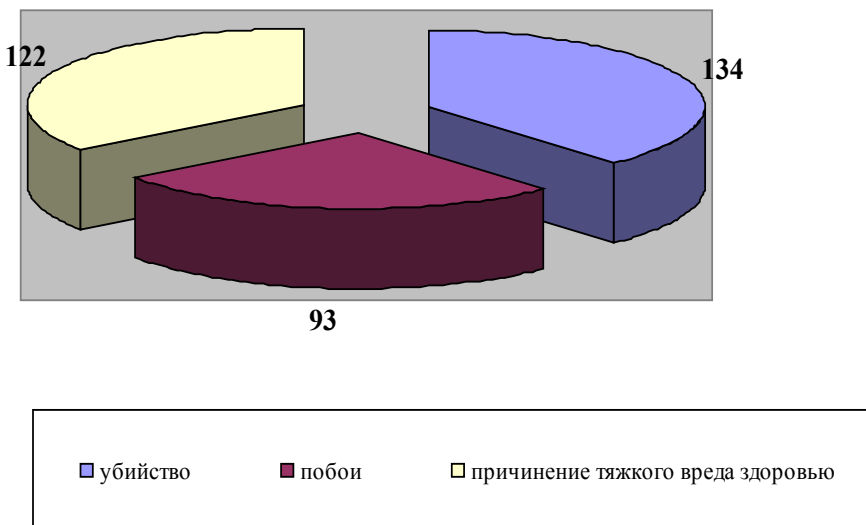

Диаграмма №3

Анализ статистических данных по жертвам преступлений против собственности среди мигрантов свидетельствует о том, что они чаще всего становятся жертвами краж чужого имущества, которые составляют 62,1% от общего количества жертв преступлений против собственности, совершаемых в отношении их, или 38,9% от общего количества всех жертв преступлений этой категории потерпевших. На втором месте по количеству жертв среди мигрантов оказалось мошенничество в различных видах и формах проявления, оно составляет 15,2% от общего количества жертв преступлений против собственности, совершаемых в отношении их, и 9,5% от общего количества всех жертв преступлений этой категории. На третьем месте по количеству жертв среди мигрантов оказался грабёж чужого имущества. Он составляет 9,8% от общего количества жертв преступлений против собственности, совершаемых в отношении их, и 6,1% от общего количества всех жертв преступлений этой категории.

Значительно меньше жертв мигрантов, чем от преступлений против собственности, приходится на преступления

против жизни и здоровья, но это не уменьшает их общественную опасности и вредоносность для данной социальной группы потерпевших. В исследуемый нами период жертвами преступлений против жизни и здоровья стали 540 мигрантов (в 2014 г. – 257, в 2015 г. – 283), или 21,4% всех попавших в официальную ведомственную виктимологическую статистику. В числе жертв преступлений из числа мигрантов оказалось:

а) жертвы убийств и покушений на него – 134 человека (в 2014 г. – 63, в 2015 г. – 71);

б) жертвы причинения тяжкого вреда здоровью – 122 человека (в 2014 г. – 62, в 2015 г. – 60), в результате которого погибло 35 человек (в 2014 г. – 17, в 2015 г. – 18);

в) жертвы побоев – 93 (в 2014 г. – 44, в 2015 г. – 49). (См., Диаграмму №3).

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что количество потерпевших мигрантов увеличивается в зависимости от тяжести совершенных преступлений против них, а не наоборот. Это свидетельствует о высочайшем уровне латентности криминальной виктимности

мигрантов от преступлений против жизни и здоровья, связанных с причинением вреда здоровью небольшой тяжести.

На третьем месте по объему жертв среди мигрантов стали преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Потерпевшими от преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта в исследуемый нами период в России оказалось 136 мигрантов, или 5,3% от всех жертв этой категории лиц, попавших в официальную статистику. Здесь наибольшее количество жертв среди мигрантов приходится на автотранспортную преступность, в результате которой жертвами стало 135 человек, из которых 101 погиб. Криминальная смертность мигрантов от автотранспортной преступности составляет 74,8%, в то же время криминальный травматизм мигрантов от этого вида преступности оказался не велик 25,2%. Такие показатели в очередной раз указывают на высочайшую латентность криминальной виктимности мигрантов.

Проведенное нами статистическое исследование последствий российской преступности для мигрантов за 2014-2015 гг. позволяет нам сформулировать некоторые выводы, описывающих их криминальную виктимность.

Во-первых, среди жертв современной российской преступности доля мигрантов не высока. Значительную долю среди потерпевших мигрантов занимают лица мужского пола, доля женщин составляет около одной четверти всех жертв этой категории.

Во-вторых, в Российской Федерации мигранты наиболее часто становились жертвами преступлений средней и не-

большой тяжести, а не жертвами тяжких и особо тяжких преступлений.

В-третьих, из всех совершаемых в отношении мигрантов преступлений, они наиболее часто становятся жертвами имущественных преступлений или преступлений против собственности (краж, мошенничества, грабежей).

В-четвертых, наиболее опасным видом преступности для мигрантов является автотранспортная преступность, приводящая к гибели этой категории лиц. Криминальная смертность мигрантов от автотранспортной преступности выше чем от иных видов преступлений, в том числе и против их жизни и здоровья.

В-пятых, криминальная виктимность, как и преступность мигрантов, явление высоколатентное и требует с одной стороны – самостоятельного исследования, а с другой – постоянного внимания и учета в правоприменительной деятельности подразделений и сотрудников правоохранительных органов.

Безусловно, что проведенное нами исследование виктимности мигрантов, как оборотной стороны преступности и показателя характера современной российской преступности не является полным и окончательным. Оно лишь в самом общем виде позволяет оценить размеры негативных последствий современной российской преступности для определенной социальной группы – мигрантов. Для более тщательного исследования этого феномена необходимо проанализировать не только статистические показатели за более длительный период, но и использовать дополнительные методы научного познания, а полученные результаты учитывать при реализации миграционной политики государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алчибеков К.А. Проблемы предупреждения преступности мигрантов в Кыргызской Республике: дис. ... канд. юрид. наук. – Бишкек, 2006. – 161 с.
2. Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А. Преступность мигрантов-иностранцев в России и противодействие ей: криминологическое исследование. – М., 2012.
3. Антонов-Романовский Г.В., Чирков Д.К., Литвинов А.А. Преступность мигрантов-иностранцев и её особенности // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. №2. С.219-224.
4. Асмандиярова Н.Р. Миграционная преступность: понятие, детерминанты, современные тенденции // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. №7-4. С.83-87.
5. Берзин В.А. Криминологическая характеристика преступности мигрантов в условиях сверхкрупного города (на материалах города Москвы): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 192 с.

6. Бучанов С.А. Преступность мигрантов в Сибирском федеральном округе // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. №4. С.197-202.
7. Вискалина А.А. Минимизация социальных последствий миграционной преступности в системе предупреждения преступности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №6-1 (48). С.110-111.
8. Гамаюнова В.П. Влияние социальной миграции на криминогенную виктимизацию населения // Теория и практика общественного развития. – 2015. №3. С.74-76.
9. Капинус О.С. Противодействие преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. №5. С.68-73.
10. Кобец П.Н. Причины и условия, детерминирующие преступность незаконных мигрантов из числа иностранцев в России // Символ науки. – 2016. №6-2. С.85-87.
11. Коваленко В.В. К вопросу о предупреждении миграционной преступности и виктимности мигрантов // Виктимология. 2015. №1. С.24-28.
12. Магомедов Э.Б. Криминологические особенности преступности мигрантов-иностранцев в Республике Дагестан и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 236 с.
13. Небжицкая И.Е. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступностью мигрантов в России: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
14. Пилогина Ю.Г. Социальная миграция как фактор криминогенной виктимизации населения // Евразийский союз ученых. 2015. №5-6. С.39-41.
15. Пойман П. Мигранты из стран СНГ как жертвы организованной преступности в Чехии – упущение чешской миграционной политики // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2014. №1. С.77-82.
16. Репецкая А.Л. Виктимологическая защита иностранных трудовых мигрантов от преступлений, связанных с торговлей людьми // Российский криминологический взгляд. 2013. №2. С.225-227.
17. Репецкая А.Л. Виктимологическая характеристика преступности иностранцев // Виктимологическая характеристика региональной преступности и её предупреждение / под ред. проф. А.Л. Репецкой. – М., 2009. – С. 214-222.
18. Розумань И.В. Миграционная преступность в регионе как объект криминологического исследования // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: сборник статей международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2016. – С.332-337.
19. Скобельков В.В. Виктимологическая характеристика и противодействие миграционной преступности // Правоохранительные органы: теория и практика. 2012. №1. С.65-67.
20. Скобельков В.В. Миграционная преступность: криминологический анализ и предупреждение. – Новосибирск, 2004. – 228 с.
21. Церунян В.А. Противодействие преступности мигрантов в России // Полицейская деятельность. 2016. №1. С.26-32.
22. Черепашкин А.С. Криминологическая характеристика преступности трудовых мигрантов // Виктимология. 2015. №4. С.15-18.
23. Чех А.О. Криминологические аспекты преступности мигрантов в России в условиях глобализации // Ленинградский юридический журнал. 2016. №1 (43) С.146-153.
24. Witold Klaus. Forced female Migrants as Victims of Violence in Poland // Analyses, Reports, Expertise's. – 2014. – №2. – P.34-61.

КАБАНОВ Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород
E-mail: kabanovp@mail.ru

Kabanov P. A.

MEASUREMENT OF CRIMINAL VICTIMIZATION OF MIGRANTS IN CONTEMPORARY RUSSIA

On the basis of statistical indicators 2014-2015 examines criminal victimization of migrants in the Russian Federation. Highlights the main indicators of crime victimization: the total number of victims-migrants, and victims-migrants (by socio-demographic criteria: gender and age, and legal severity committed against their crimes and their types); criminal mortality of victims-migrants.

Keywords: *victimology, the victim, the victim was a migrant, criminal mortality of migrants; criminal injuries migrants.*

KABANOV Pavel A. Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology of the Nizhny Novgorod Academy of the MOI of Russia, Nizhny Novgorod
E-mail: kabanovp@mail.ru

Дунаева О.Н.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ВОДИТЕЛЯ КАК ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

«Необходимо, чтобы все подготовительное обучение для получения водительского удостоверения было акцентировано на безопасности дорожного движения, которое по существу является его единственной целью».

Кристиан Жерондо

Актуальность статьи обусловлена недостаточной эффективностью существующей системы профессиональной подготовки водителей. Тенденции развития общества акцентируют внимание на совершенствовании надзора и контроля за качеством подготовки в автошколах и стимулируют на более интенсивное применение современных социально-психологических технологий и педагогических инноваций в образовательном процессе подготовки водителей.

Ключевые слова: *безопасность участников дорожного движения, контроль и надзор, транспортная психология, подготовка водителей, особенности гендерного поведения водителей, психологические установки рискованного/безопасного вождения.*

Высокие темпы автомобилизации во всех странах мира приводят к повышенному интересу к вопросам обеспечения безопасности дорожного движения к совершенствованию профессиональной подготовке водителей. Повышение уровня благосостояния людей в последние годы в России, способствует интенсивным темпам автомобилизации, преобладанию современных, более динамичных автомо-

билей, а также увеличивает долю начинающих, малоопытных водителей, что существенно изменяет ситуацию на дорогах.

Полякова С.В. отмечает: «Одной из актуальных проблем современной действительности является высокий уровень аварийности на дорогах Российской Федерации. Главными участниками и виновниками дорожно-транспортных проис-

шествий являются водители транспортных средств. Одна из причин такого положения дел в сфере дорожного движения является низкое качество подготовки водителей» [10, с.110].

В настоящее время подготовка водителей осуществляется в соответствии с Приказом Минобрнауки России «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» [8]. Законодателем определен порядок проведения экзаменов на допуск к управлению транспортными средствами в Постановлении правительства РФ «О допуске к управлению транспортными средствами» (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений») [9].

Программы включают три основных модуля – базовый, специализированный и профессиональный. Базовый модуль включает следующие дисциплины: «Основы законодательства в сфере дорожного движения», «Психофизиологические основы деятельности водителя», «Основы управления транспортными средствами» и «Первая помощь при дорожно-транспортных происшествиях».

Базовый модуль изучают в обязательном порядке все кандидаты в водители, именно в нем необходимо расставить приоритетные акценты подготовки. Водитель транспортного средства – это основной действующий субъект деятельности на дороге, поэтому необходимо в первую очередь учитывать психологические факторы. Основной постулат психологической установки при подготовке водителей должен быть сосредоточен на «безопасное вождение в дорожном движении» (впервые на это указал французский исследователь безопасности дорожного движения К. Жерондо), а не на, «безаварийном вождении». С бытовой точки зрения между этими понятиями нет различий, а с научно-психологической точки зрения – принципиальные, так как первое дает положительную установку на «достижение» безопасности в дорожном движении, а второе – на «избегание» аварий. Таким образом, первое создает устойчивую психологическую установку на безопасность, т.е. относится к базовым ценностям, убеждениям и характери-

стам мировоззрения и имеет соответственно более широкий контекст применения, в то время как вторая установка, относится только к навыкам вождения, и имеет узко направленный характер – правильно действовать в сложной пред-аварийной ситуации, если такая вдруг возникает – и будет относиться к следующему – третьему уровню подготовки – формирование навыков, приобретение опыта и профессионального мастерства.

В обеспечении безопасности дорожного движения многое зависит от правосознания водителя. Необходимо создать условия для формирования общественно значимых стереотипов дорожно-транспортной культуры, социально-психологических установок на безопасное вождение, используя современные методы и средства, так как большинство обучающихся, является носителями обыденного правосознания на основе жизненного опыта, которое складывается под влиянием повседневного «правового и культурного нигилизма», стереотипных образцов «отрицательных моделей» поведения на дороге.

Профессор Майоров В.И. неоднократно отмечал, что на государственном уровне недостаточно используются превентивные ресурсы, стимулирования безопасности дорожного движения, что следует более интенсивно изучать и адаптировать имеющийся положительный опыт зарубежных стран в этой сфере, например опыт Германии и Японии. «Несомненно, что зарубежный опыт содержит много элементов, которые могут оказаться полезными в данной работе», [7, с. 41] так как безопасность дорожного движения относится к общемировым проблемам.

Современные исследования немецких экспертов показывают, что наибольшее количество дорожно-транспортных происшествий среднестатистический водитель совершает в первый год своего вождения. Следующий пик приходится на период между тремя и пятью годами после получения водительского удостоверения. Далее, примерно до десяти лет, вероятность попасть в аварию ощутимо снижается. По истечении десяти лет большинство водителей, практически ежедневно находящихся за рулем, становятся участниками дорожно-транспортных происшествий лишь в единичных случаях.

На основе этого «психолого-математического» анализа, с 2005 года в Германии действует специальная федеральная программа под названием “SAFE-NET PLUS” – «Дальнейшее распространение опыта безопасного вождения среди начинающих водителей», которая показала за десять лет существования очень высокий уровень эффективности. Помимо совершенствования навыков вождения, в программе важное место занимает выработка психологической устойчивости водителя перед всевозможными раздражителями, то есть хладнокровного восприятия любой сложной обстановки, а также культура вождения. В программе предусмотрен ряд «психологически обоснованных» подкреплений формирования поведенческих навыков и установок на безопасное вождение и ряд экономически выгодных предложений (приобретение автомобиля на льготных условиях, снижение выплат за страхование, финансовое вознаграждение за безаварийное вождение и т.п.). Из «источника повышенной опасности» молодой водитель превращается в умелого, уверенного, а где необходимо, и в осторожного участника дорожного движения.

Обращение к значительному и эффективному опыту зарубежных стран с высоким уровнем автомобилизации показывает, что наиболее успешным является не только правовая регламентация безопасности дорожного движения, но именно изменение отношения всех его участников к соблюдению правил безопасности, что ведет и к изменению реального поведения на дорогах.

Участники дорожного движения – это субъекты, общественных отношений, каждый из которых может являться носителем множества интересов, удовлетворение которых достигается, в частности, и участием в дорожном движении. Характеризуя процесс реализации социально-транспортной потребности, профессор В.И Майоров точно выделяет его основные качества. «Транспортная потребность осознанно трансформируется в интерес. Притом не просто в интерес, а в различные интересы: у одних социальных групп интерес связан с возможностью получения материальных благ, у других — достижения социального комфорта, у третьих — самоутверждения» [6, с. 14].

Деятельность управления транспорт-

ным средством в современных условиях предъявляет высокие требования к психике и когнитивной деятельности человека, к его знаниям и опыту. В крупных городах водители действуют в рискованных условиях «плотного потока», при этом постоянно контролируют процесс движения транспортного средства, Именно от водителей в большей степени зависит безопасность жизни и здоровья участников дорожного движения (водителей, пассажиров, пешеходов).

Участники дорожного движения – это, не только субъекты правовых отношений, но прежде всего люди, мужчины и женщины. В настоящее время значительную долю водителей транспортных средств составляют женщины разного возраста. В этой связи интересны результаты исследования гендерных различий, отражающие проблематику в поддержании безопасности дорожного движения. Исследования подтверждают, что большинство представителей дорожного сообщества (водители, пассажиры, пешеходы, инспекторы ДПС) разделяют стереотипные представления о том, что «женщина-водитель» неуверенная, нерешительная, непредсказуемая, эгоцентричная и в целом неуспешная и некомпетентная в вождении. В то же время, социально-стереотипный образ «мужчина-водитель», стал включать противоречивые установки: с одной стороны он включает характеристики «эталонного водителя» (уверенное и рациональное вождение ТС, быстрая реакция в сложных ситуациях), что становится критерием сравнения в ситуации дорожного движения. Но с другой стороны за мужчинами-водителями закреплена и ряд негативных качеств: агрессивное и опасное вождение, частое нарушение правил дорожного движения, вождение в состоянии алкогольного и иного опьянения. Перечисленные характеристики вряд ли можно считать нормативными, с точки зрения ключевого критерия дорожного движения – безопасности. Статистика подтверждает, что мужчины действительно чаще нарушают правила дорожного движения и попадают в дорожно-транспортные происшествия, чем женщины [4].

Существует несколько традиционных подходов к снижению аварийности, прежде всего усиление правовой ответственности, увеличение штрафных санкций;

улучшение качества дорог; применение психолого-педагогических инноваций в процессе подготовки водителей, а также эффект «психологического присутствия контроля» в процессе дорожного движения («лежачий полицейский» для снижения скорости, камеры фото-видеофиксации нарушений правил дорожного движения). Однако рискованное/безопасное поведение российских водителей, как показывают современные исследования не связано напрямую ни с одним из перечисленных факторов. Полякова С.В. отмечает: «На сегодняшний день основной причиной аварий на дорогах остается «человеческий фактор» (потребление алкоголя, превышение скорости и постоянное нарушение других правил ПДД и т.д.), все это создает дополнительное стрессовое напряжение для других участников дорожного движения, которое отрицательно отражается на качестве вождения» [12, с.113].

По результатам русско-норвежского исследования, (Норвегия относится к странам с низким уровнем аварийности) в России более легкомысленно относятся к вопросам безопасности: «статистически достоверно» водители «чаще превышают скорость в городской черте, реже снижают скорость в плотно населенных районах и на пешеходных переходах, а также вблизи детских площадок, не используют детские автокресла, игнорируют ремни безопасности, пассажиры садятся в автомобиль с ненадежным водителем, и водители и пешеходы признаются в недостаточном знании правил дорожного движения» [2].

Среди российских «водителей - нарушителей» наблюдается такая модель поведения в транспортном потоке, которую можно охарактеризовать как модель поведения «безответственного гонщика»: обогнать как можно больше автомобилей, не думая о безопасности других участников дорожного движения. Каждое третье дорожно-транспортное происшествие на российских дорогах связано с наездом на пешеходов. Пешеходы, по сравнению с водителями, физически не защищены, и ДТП с их участием зачастую становятся трагедией — как правило, пешеход получает тяжелые травмы, в том числе несовместимые с жизнью. Нередко виновником ДТП становятся сами пешеходы. Высокий уровень ДТП делает актуаль-

ным совершенствование системы подготовки водителей, как превентивной меры обеспечения безопасности его участников. Приоритеты безопасности дорожного движения определены в Федеральном законе «О безопасности дорожного движения» [15].

Полякова С.В. пишет: «Анализируя систему подготовки водителей в автошколах России и отношение к ее качеству, ряд исследователей из разных сфер научного знания (техническая, педагогическая, психологическая, медицинская и др.) выделяют существенные недостатки в обучении, которые впоследствии отражаются на такой сверхвысокой аварийности на дорогах» [11, с.55].

В педагогическом исследовании, О.Н. Филатова отмечает, что не применяются современные педагогические инновации в процессе обучения водителей, направленные на то, чтобы задействовать все виды получения субъектом информации (визуальные, кинестетические, аудиальные). Не учитываются возрастные особенности обучающихся (например, формирование новых навыков, у людей старше 40 лет, требует большего времени). Не применяются педагогические технологии поэтапного формирования знаний. Процесс обучения часто осуществляется недостаточно компетентными преподавателями. В малой степени используются тренажеры для отработки навыков вождения «новичка» (во многих автошколах отсутствуют тренажеры) [14].

В психологическом исследовании С.Е. Борисова, в свою очередь указывает, что на первый план выходят устойчивые отрицательные психологические качества «претендентов на получения водительских прав» — правовой нигилизм, склонность к необоснованному риску, виктимное поведение, легкомыслие, не умение предвидеть и просчитывать сложные ситуации, а прежде всего психологическая установка на нарушение Правил дорожного движения и пренебрежительное отношение к другим участникам дорожного движения [1].

Психофизиологическому обоснованию необходимости совершенствования системы подготовки водителей, посвящено исследование Козлова Е.В., специализирующемуся в области безопасности в чрезвычайных ситуациях (медицина катастроф), т.к. дорожно-транспортные

происшествия приводят к ущербу здоровью, инвалидности, тяжелым травмам, часто несовместимых с жизнью [5].

Перечисленные особенности указывают на два очень важных фактора, которые обсуждаются в научном психологическом сообществе и связаны: 1) с развитием личности и становлением социальной зрелости и ответственности в современных условиях [13]; 2) с перспективами психологии в решении задач российского общества, развитием технологий согласования социальных институтов и менталитета [3].

Выводы. Тенденции современного развития общества, экономики, техники качественно изменяют дорожное движение и требуют постоянного совершенствования уровня подготовки водителей их

нацеленность на безопасное вождение транспортного средства. Совершенствование содержательной части программ подготовки водителей, правильная постановка приоритетов должна способствовать формированию у водителей более высокого уровня правосознания, общественно ценных психологических установок, содействовать стремлению лучше знать правила дорожного движения, нацеливать на безопасное управление транспортным средством и повышение транспортной культуры. Необходима разработка современных превентивных технологий и внедрения эффективных программ подготовки водителей с целью снижения уровня создания предаварийных ситуаций, дорожно-транспортных происшествий и их последствий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Борисова, С.Е. Влияние психологических установок водителей на безопасность дорожного движения // Психология и права. 2011. № 4. С. 3–12.
2. Гранская В.Ю. Кросс-культурное сравнение отношения к безопасности, оценка риска и рискованного поведения на дорогах российских и норвежских водителей // Вестник СПбГУ. Сер.12, 2012. № 3. С.124.
3. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач Российского общества. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т.34. №6. – С. 5 – 25.
4. Кабалевская А.И., Донцов А.И. Особенности гендерного поведения водителей. // Вопросы психологии. 2013. №4. С.69 -79.
5. Козлов Е.В. Психофизиологическое обоснование необходимости совершенствования системы подготовки водителей: автореферат дисс... канд. мед. наук. – М., 2012. 30 с.
6. Майоров В.И. Государственно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в РФ: теоретико-прикладные проблемы: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2010.– 208 с.
7. Майоров В.И. О нормативно-правовом регулировании деятельности полиции // Полицейское право. 2005. № 1 (1). С. 41-43.
8. Приказ Минобрнауки России от 26.12. 2013 г. № «Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий» // Российская газета № 6444 от 1. 08. 2014 г.
9. Постановление правительства РФ «О допуске к управлению транспортными средствами» (вместе с «Правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений») // Российская Газета № 6522 от 31 октября 2014 г.
10. Полякова С.В. Подготовка водителей как один из основных элементов в системе обеспечения безопасности участников дорожного движения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 2 (31). С. 110-114.
11. Полякова С.В. К вопросу о подготовке водителей // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). С. 52-57.
12. Полякова С.В. Правовые и социально-психологические аспекты подготовки водителей как условия безопасности участников дорожного движения // В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики Материалы XII Международной научно-практической конференции: в 4-х томах. Волжский университет имени В.Н. Татищева. 2015. С. 111-118.
13. Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А. Связь эго-идентичности и личной зрелости // Вестник ЮУрГУ. Психология. 2015. Т.8. 31. С. 29 – 35.

14. Филатова О.Н. Профессиональная подготовка будущих водителей в автошколе: автореферат дисс... канд. пед. наук. – Нижний Новгород, 2009. 21 с.

15. ФЗ от 10. 12. 1995 г. № 196-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «О безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 1995. № 50.

ДУНАЕВА Ольга Николаевна, старший преподаватель, кафедра «Психология развития и возрастное консультирование», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), г. Челябинск.
E-mail: dunaevaon@gmail.com

Dunaeva O. N.

LEGAL ASPECTS OF TRAINING AND PSYCHOLOGICAL QUALITIES OF THE DRIVER AS THE FACTORS OF SECURITY ROAD USERS

The relevance of the article due to insufficient efficiency of the existing system of professional training of drivers. Trends in the development of society focus on enhancing oversight and control over the quality of training in driving schools and stimulate a more intensive application of modern socio-psychological technologies and pedagogical innovations in educational process of training of drivers.

Keywords: *safety of participants of traffic, control and supervision, transportation psychology, driver training, especially gender-based behavior of drivers, attitudes of risky/safe driving.*

DUNAEVA Olga N., senior lecturer, Department of “Psychology of development and age counseling”, South Ural state University (national research University), Chelyabinsk.
E-mail: dunaevaon@gmail.com

Калашников О.Д.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье анализируются статистические данные о зарегистрированных преступлениях, количестве жертв, размере нанесенного материального ущерба за 2015 год на территории Российской Федерации. Делается вывод, что в настоящее время в нашей стране отсутствует эффективный механизм компенсации вреда жертвам преступлений. Формулируются предложения, направленные на совершенствование виктимологических мер предупреждения преступлений.

Ключевые слова: виктимология, жертвы преступлений, виктимологическая профилактика, виктимологические рекомендации, меры безопасности.

Виктимология – относительно новое, весьма перспективное научное направление в криминологии, изучающее жертв преступлений [1, с. 82].

Актуальность изучения виктимологии и разработка профилактических мер виктимологического характера определяется в статистических данных о зарегистрированных преступлениях, лицах их совершивших, количестве жертв.

Только за 2015 год, на территории Российской Федерации, согласно официальным данным МВД РФ, в результате преступных посягательств погибло 32900 человек, здоровью 48800 человек причинен тяжкий вред. Ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 436,49 миллиардов рублей, что на 24,9% больше аналогичного показателя прошлого года [2, с. 84].

На территории Российской Федерации ежегодные последствия преступных посягательств ощущают на себе около 10 миллионов человек [3].

Следует отметить, что из-за отсутствия эффективного механизма компенсации вреда жертвам преступлений в на-

шей стране, в большинстве случаев, нанесенный им ущерб не компенсируется лицами, совершившими преступления, в силу неустановления их правоохранительными органами; ввиду отсутствия у них денежных средств и иного имущества; отсутствия рабочих мест в исправительных учреждениях, где данные лица отбывают наказание за совершенные преступления.

Только за 2015 год на территории Российской Федерации, согласно официальным данным МВД РФ, из 2352100 зарегистрированных преступлений, остались не раскрытыми 1026200.

Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 22,5%. За 2015 год остались нераскрытыми 1100 убийств и покушений на убийство, 2700 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 597200 краж, 28900 грабежей, 4000 разбойных нападений.

1004100 преступлений остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [4].

Представленные статистические дан-

ные показывают, что практически по пятидесяти процентам зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации, лица их совершившие остались на свободе, безнаказанными, а ущерб, нанесенный их противоправными действиями, жертвам преступлений оказался не компенсированным.

В свою очередь, безнаказанность преступников, провоцирует их на совершение новых преступлений.

В связи с этим, можно сделать вывод, что в настоящее время, в Российской Федерации, обеспечение безопасности граждан, их собственности, возлагается на государство, в лице органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов и, в первую очередь, как это не парадоксально, на самих граждан.

С сожалением можно констатировать, что виктимологическая профилактика в России лишь обозначается в практической деятельности правоохранительных органов, в отличие от зарубежных стран, где она функционирует как единая система, элементами которой являются органы государственной власти, институты гражданского общества, активные граждане [5, с. 27].

Наиболее перспективной формой виктимологической профилактики, реализуемой сотрудниками правоохранительных органов, должна стать, по нашему мнению, подготовка виктимологических памяток (рекомендаций), адресованных потенциальным жертвам преступлений.

Данная форма виктимологической профилактики активно должна реализовываться в отношении потенциальных жертв наиболее распространенных преступлений общеуголовной направленности, совершаемых в нашей стране: краж, грабежей, разбойных нападений, мошенничеств.

Большая роль в решении данного вопроса отводится участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке, сотрудникам уголовного розыска, сотрудникам подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел.

Причем это направление работы не должно ограничиваться простым распространением памяток.

Необходимо учитывать при подготовке данных рекомендаций складывающуюся оперативную обстановку на территории города, района или административного участка, наиболее распространенные способы совершения преступлений, характер противоправной деятельности, преобладающие виды и группы преступлений.

Виктимологические памятки наряду с конкретными рекомендациями, адресуемыми гражданам, должны содержать наглядные формы (например, картинки, фотографии), для того, чтобы привлечь к ним внимание.

Данные рекомендации целесообразно распространять в общественных местах с массовым скоплением граждан, активно использовать для этого средства массовой информации, в том числе сеть Интернет. При распространении данных материалов особое внимание необходимо уделять наиболее уязвимым категориям граждан: женщинам, пожилым гражданам [6, с. 9], несовершеннолетним [7, с. 9]; лицам, которые в силу выполняемой ими работы имеют отношение к наличным денежным средствам и иным материальным ценностям (работники банковских учреждений, продавцы, охранники, инкассаторы, таксисты).

В свою очередь, в условиях продолжающегося экономического кризиса, роста безработицы, прогнозируемого дальнейшего роста преступности, самим гражданам необходимо надеяться не столько на сотрудников правоохранительных органов в обеспечении их безопасности, сколько на свою аккуратность, предусмотрительность, бдительность. Сами граждане, своим поведением, своими поступками не должны создавать поводы к совершению в отношении них преступлений [8, с. 84].

Необходимо соблюдать элементарные меры безопасности: укреплять свои домовладения, не перевозить в общественном транспорте крупные суммы денежных средств, по возможности исключить передвижение в одиночку, особенно лицам женского пола и несовершеннолетним, в вечернее и ночное время, по плохо освещенным местам, не приглашать в свои квартиры посторонних лиц, не оставлять в транспортных средствах материальные ценности и т.д. [9, с. 4-10].

Конечно, государству в лице органов государственной власти и местного само-

управления, также необходимо активизировать работу в этом направлении.

Достаточно криминализированной в нашей стране является строительная сфера и, в частности, долевое строительство жилья, где совершается много мошеннических посягательств.

По сведениям рабочей группы партии «Единая Россия» в Российской Федерации насчитывалось приблизительно 75 000 пострадавших семей и 798 проблемных объектов. Пятерка самых проблемных регионов выглядит следующим образом: первое место занимает Подмосковье (более 11 000 пострадавших), второе – Санкт-Петербург (более 6000 пострадавших), третью позицию делят между собой Москва и Новосибирская область (по 5500 пострадавших), далее идет Самарская область и Краснодарский край.

По данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве на данный момент в стране был зафиксирован 141 факт банкротства застройщиков, привлекающих средства граждан, из них по 10 случаев в Краснодарском крае и Новосибирской области, по девять – в Самарской области и Санкт-Петербурге, по восемь – в Ростовской области и Подмосковье, по шесть – в Иркутской, Калининградской и Тюменской областях [10].

С 1 января 2014 года вступили в силу изменения в Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

Основным новшеством стало введение обязательного страхования долевого строительства.

Таким образом, для того, чтобы зарегистрировать договор долевого участия в новых строительных проектах, реализуемых с 1 января 2014 года, необходимо будет представить один из документов – это или договор коммерческого страхования, либо некоммерческого страхования, либо банковская гарантия на сумму привлеченных денежных средств.

По нашему мнению, данная мера является весьма эффективной, которую можно сравнить с процедурой страхования банковских вкладов граждан в нашей стране.

Следует отметить, что многие зарубежные страны пошли по пути государственной поддержки потерпевшим, не имеющим возможности получить компенсацию от лица, совершившего преступление.

К ним относятся: Великобритания, Франция, Новая Зеландия и др.

В США, Германии и Великобритании действует программа компенсации вреда за счет государственных ассигнований только в случае причинения вреда в результате преступлений, совершенных в отношении жизни и здоровья граждан. В остальном ущерб погашается благодаря разветвленной системе страхования, в том числе обязательного.

Опыт зарубежных стран в этом направлении, по нашему мнению, необходимо всесторонне изучить и по возможности использовать в нашей стране [11, с. 194].

Работа в этом направлении проводится и не стоит на месте в Российской Федерации.

Владимир Лукин, будучи Уполномоченным по правам человека в РФ, предложил создать соответствующий фонд, осуществляющий компенсационные выплаты жертвам преступлений из государственного бюджета. Президент РФ поручил правительству разработать соответствующий законопроект, предусматривающий обязательную государственную компенсацию жертвам преступлений. Однако, к сожалению, данная инициатива осталась до настоящего времени без внимания [12].

Также следует отметить, что в настоящее время обсуждается законопроект, согласно которому, гражданам, потерявшим единственное жилье, в результате мошеннических действий, государство будет выплачивать компенсацию в размере одного миллиона рублей [13].

Вместе с тем, потенциальным жертвам преступлений в данной сфере, по нашему мнению, не стоит полностью полагаться на государство и ждать принятия соответствующего закона.

Необходимо соблюдать элементарные профилактические меры в области виктимологии: тщательно выбирать и изучать застройщиков, документацию, агентства недвижимости.

В деятельности по виктимологической профилактике преступлений весьма

перспективным является архитектурное направление.

По статистике, в высотных жилых домах регистрируется в несколько раз больше преступлений, чем в малоэтажных. Именно архитектурный стиль больших городов (высотные дома, тупики, лифты и т.д.) облегчает совершение многих общеуголовных преступлений.

В связи с этим, при строительстве микрорайонов необходимо максимально учитывать данные обстоятельства: расширять объемы строительства малоэтажных домов, сокращать количества тупиков, подвалов.

Следует отметить, что работа в этом направлении активно ведется во многих субъектах Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Калашников О.Д., Меркулов М.А. Криминология в схемах и определениях: учебное наглядное пособие. – Нижний Новгород, 2016.

2. Официальный сайт МВД РФ // Интернет: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/7087734>

3. Кабанов П.А. Виктимологическая реабилитация жертв преступлений: понятие, содержание и место в системе виктимологического направления воздействия на преступность // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 3.

4. Официальный сайт МВД РФ // Интернет: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/7087734>

5. Палаян А.С. Виктимность социальных групп как элемент системы профилактики преступности // Российский следователь. 2012. № 7.

6. Кабанов П.А. Жертвы российской преступности: геронтологический аспект (криминологический анализ виктимологической статистики за 2014-2015 г.г.) // Виктимология. 2016. № 1 (7).

7. Кабанов П.А. несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009-2015 гг.) // Виктимология. 2016. № 3.

8. Калашников О.Д., Меркулов М.А. Криминология в схемах и определениях: учебное наглядное пособие. – Нижний Новгород, 2012.

9. Горшенков Г.Н., Гришин С.П., Зарубин С.В., Устинов В.С. Береженого и бог бережет. Советы о том, как уберечься от преступления. – Нижний Новгород, 1990.

10. Государство готовится компенсировать ущерб жертвам уголовных преступлений // Интернет: <https://versia.ru/gosudarstvo-gotovitsya-kompensirovat-ushherb-zhertvam-ugolovnykh-prestuplenij>

11. Калашников О.Д. Преемственность права зарубежных государств как эффективное направление предупреждения преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Юридическая техника. 2011. № 5.

12. Государство готовится компенсировать ущерб жертвам уголовных преступлений // Интернет: <https://versia.ru/gosudarstvo-gotovitsya-kompensirovat-ushherb-zhertvam-ugolovnykh-prestuplenij>

13. Россияне, потерявшие жильё из-за мошенников, получают один миллион рублей от государства <http://163gorod.ru/event/2449216-rossiyane-poteryavshie-zhilyo-iz-zamoshennikov-poluchat-mln-rub-ot-gosudarstva>

КАЛАШНИКОВ Олег Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации» (НА МВД России), г. Нижний Новгород, E-mail: kalasnikov_oleg@mail.ru

Kalashnikov O. D.

VICTIMOLOGICAL PREVENTION – A PROMISING DIRECTION IN THE FIGHT AGAINST CRIME AT THE PRESENT STAGE

The article analyzes statistics on reported crimes, number of victims, the extent of the caused material damage for the year 2015 in territory of the Russian Federation. It is concluded that currently in our country there is no effective mechanism of compensation for damage to victims of crime. Formulates proposals for improvement of victimological prevention of crimes.

Keywords: *Victimology, victims of crime, victimological prevention, victim recommendations, security measures.*

KALASHNIKOV Oleg D., candidate of legal Sciences, associate Professor at the Department of criminology of the Federal state educational institution of higher professional education “Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation”, Nizhny Novgorod,
E-mail: kalasnikov_oleg@mail.ru

Майоров А.В.

СОСТОЯНИЕ КРИМИНОГЕННОЙ ВИКТИМИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В ПЕРИОД 2010–2016 ГГ.

В данной статье, предлагается обсудить вопрос о криминогенной виктимизации общества в современных условиях, на примере Уральского федерального округа, включающего Курганскую, Свердловскую, Тюменскую и Челябинскую области. В рамках исследуемого вопроса, автором видится возможным на основе проведенного исследования, с учетом данных официальной статистики о состоянии преступности и уже существующих прогнозов ее развития, оценить состояние криминогенной виктимизации общества и степень его защищенности.

Ключевые слова: *виктимность, виктимизация, виктимологическая ситуация, виктимология, преступность, жертва, уголовная статистика, уровень преступности.*

Процесс постоянной и стремительной трансформации общества в последнее время отмечается исследователями во всех сферах жизнедеятельности социума. Социально-экономические и политические преобразования, продолжающиеся в России, порождают множество проблем, в том числе связанных с осуществлением эффективной уголовной политики государства, в рамках обеспечения национальной безопасности. В условиях криминализации общества складывается определенная виктимологическая ситуация, которая при ее изучении требует серьезного подхода.

Полагаем, что современная уголовная политика государства в области противодействия преступности и предупреждения отдельных видов преступлений не может быть эффективной без надежной прогностической информации о возможных направлениях развития общества и отдельных социальных явлений и процессов, к которым относится социальный процесс виктимизации – превращения лица в жертву преступления.

При этом следует обратить внимание на то, что единый подход ученых к пониманию сущности и значимости криминальной виктимизации, как к показателю состояния защищенности лица и общества, отсутствует. Так, например Л.В. Франком виктимизация определялась как «процесс превращения в жертву преступления и результат этого процесса как на единичном, так и на массовом уровне» [15, с. 107-108]. При этом автор допускает возможность определения одним термином двух самостоятельных явлений – процесс и его результат. Однако в ряде научных источников отмечается, что только «виктимность характеризует состояние, уровнем, структурой и динамикой» [15, с. 107-108]. Другие же ученые говорят о показателях состояния и структуры как виктимности, так и виктимизации, при этом уровень и динамика рассматриваются в рамках состояния виктимности.

Во всех случаях авторы указывают на наличие такого показателя виктимности как причинение вреда, который является

своего рода результатом этого социального явления. Вместе с тем существует противоположное мнение о том, что не явление, а «процесс превращения в жертву преступления (виктимизация) всегда имеет свое завершение – становление лица жертвой (потерпевшим от преступления), т.е. результат такого процесса» [14, с. 212] Полагаем, что такая позиция ученого является верной и всецело поддерживаем ее.

В рамках настоящей статьи предлагается под «виктимизацией» понимать определенный процесс взаимосвязи виктимности (уязвимость лица стать жертвой преступления) и преступности (негативного социального явления), который имеет конечный результат (следствие), выраженный в причинении вреда и признании лица потерпевшим, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (курсив – автор) [4, с. 67]. Полагаем, что такой подход не противоречит общепризнанным положениям, закрепленным в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью, где этот термин используется непосредственно в таком понимании.

Данная позиция отмечена нами не случайно, так как, приступая к рассмотрению вопросов, связанных с показателями виктимизации в обществе, следует отметить наличие существенных обстоятельств, влияющих на их исследование и затрудняющих возможность определения уровня виктимности и самого процесса виктимизации. Одним из таких обстоятельств является значительный объем латентной преступности и, как следствие, отсутствие возможности учета всех жертв преступности. Исследуя количественные и качественные показатели виктимизации мы использовали обобщенные статистические сведения о зарегистрированных преступлениях, по которым установлены потерпевшие, без учета абсолютного числа жертв, количество которых в статистике не отражается. При этом для определения соотношения потерпевших и латентных жертв использовали метод анкетирования и опроса. Отметим также, что при использовании обобщенных статистических сведений возможно изучение общей виктимности жертв (как правило, проявляющейся при первичной виктимизации), а для опреде-

ления и учета вторичной виктимизации необходимо проведение более масштабного и детального исследования, включающего анализ индивидуальной виктимности.

Таким образом в данном случае возможно лишь модельное построение количественных и качественных показателей виктимизации и определение уровня виктимности в обществе, на основе опубликованных официальных данных статистики.

В рамках проводимого исследования нами было изучено состояние преступности за последние годы (2010-2016 гг.) на территории Уральского федерального округа (далее – УрФО), который включает шесть субъектов Российской Федерации на Урале и в Западной Сибири: 4 крупные области – Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская и 2 округа Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. На территории УрФО проживает 8,4% населения страны, при этом плотность населения составляет 7 человек на кв. км. Крупными городами, в которых проживает 80,1% населения в УрФО являются Екатеринбург, Челябинск, Тюмень, Магнитогорск, Курган, Златоуст, Миасс, Каменск-Уральский. Рассматриваемый нами округ расположен на стыке двух частей света — Европы и Азии, различных по своим природным и экономическим условиям. Наиболее высокой степенью урбанизации характеризуются Свердловская и Челябинская области. Наибольшей плотностью населения отличается центральная и южная части федерального округа, где плотность достигает 42 человек на кв. км [См.: 12].

Исследуя процесс виктимизации общества, мы использовали в своей работе виктимологически значимые статистические показатели за период с 2010 г. по 2016 г., опубликованные в открытых официальных источниках, а также опубликованные ранее результаты виктимологических исследований [См.: 2; 3; 4; 7].

Анализ рабочего материала, ставшего основой данного исследования, позволяет говорить о том, что среди количественных показателей виктимизации важным является учет заявлений и сообщений о происшествиях, т.к. отражает наиболее полную информацию об обращениях граждан в правоохранительные органы.

В нашем конкретном случае анализ виктимизации и уровня виктимности населения на территории УрФО, проводился в двух направлениях: 1) изучались опубликованные в открытых официальных источниках статистические данные и 2) обрабатывались результаты проводимого ежегодно анкетирования и опроса по специально разработанной анкете¹.

В рассматриваемый нами период с 2010 по 2016 гг. количество ежегодных сообщений о происшествиях по России в целом составило в среднем 24 млн. [См.: 8]. В Уральском федеральном округе, где максимальное количество зарегистрированных заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях отмечено на территории Челябинской области в 2010 году (+16,1%). Вместе с тем, как об этом свидетельствует статистика, за последние 5 лет количество официально регистрируемых преступлений на фоне увеличения количества обращений граждан в органы внутренних дел имеет

устойчивую тенденцию снижения [2, с. 189].

Так в 2010 г. на территории УрФО количество зарегистрированных преступлений снижается на 8,2 %, органами внутренних дел зарегистрировано 286,2 тыс. преступлений, в 2011 г. – 251,6 тыс. преступлений (– 12,1%). Максимальное сокращение количества преступлений выявлено на территории Свердловской области, где снижение преступности отмечается в 2010 г. на 15,2%, в 2011 г. на 19,8%, тогда как в других областях эта цифра составляет в среднем 6% и 7% соответственно. В январе – декабре 2012 года максимальное снижение количества регистрируемых преступлений отмечено в Тюменской области (– 12,9%), по УрФО эта цифра составила 9,4%. В 2013 году снижение регистрируемых преступлений наблюдается на всей территории УрФО, (– 1,7%), исключение же составляет Тюменская область, где зафиксировано увеличение числа регистрируемых престу-

Таблица 1

Количество зарегистрированных преступлений на территории УрФО за 2010 – 2016 гг.

Регион/Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
УрФО	286270 -8,2%	251664 -12,1%	228106 -9,4%	224229 -1,7%	216176 -3,6%	229510 6,2%	205447 -10,5%
Курганская область	23401 -6,1%	21585 -7,8%	20057 -7,1%	19234 -4,1%	20425 6,2%	22269 9,0%	19353 -13,1%
Свердловская область	96422 -15,2%	77347 -19,8%	71549 -7,5%	69231 -3,2%	69647 0,6%	72267 3,8%	63454 -12,2%
Тюменская область (без а/о)	38265 -5,1%	35132 -8,9%	29415 -16,3%	33698 14,6%	30248 -10,2%	30979 2,4%	27466 -11,3%
Челябинская область	84258 -1,6%	77053 -8,6%	70557 -8,4%	67693 -4,1%	62708 -7,4%	70602 12,6%	64576 -8,5%

¹ Анкетирование проводилось в период 2011-2016 гг. на территории УрФО.

плений на 14,6%. Однако в 2014 г. максимальное снижение преступности регистрируется именно в Тюменской области (- 10,2%), тогда как в других областях фиксируется увеличение количества регистрируемых преступлений, например, в Курганской области эта цифра составила +6,2%, в целом же по УрФО наблюдается снижение на 3,6%. В 2015 г. на всей территории региона наблюдается увеличение количества регистрируемых преступлений, максимальное увеличение на 12,6% зафиксировано в Челябинской области, минимальное 2,4% в Тюменской области, в целом же по УрФО увеличение на 6,2%. В 2016 году зафиксировано снижение количества регистрируемых преступлений на 10,5% по УрФО (Табл. 1; Диагр. 1).

Анализ статистических данных позволяет говорить о том, что в период с 2010 г. по 2016 г. на территории УрФО наблюдается четкая тенденция к снижению общего количества регистрируемых преступлений и возбуждаемых уголовных дел, однако при этом наблюдается рост числа обращений граждан в правоохранительные органы с заявлениями и сообщениями о происшествиях.

В рассматриваемый нами период на территории УрФО и его областей количество потерпевших по уголовным делам имеет тенденцию снижения. Данные официальной статистики по потерпевшим на территории УрФО представлены нами в виде таблицы (Табл. 2; Диагр. 2).

Полученные данные позволяют наглядно увидеть количественные показате-

Диаграмма 1

Соотношение количества зарегистрированных преступлений на территории УрФО за 2010 – 2016 гг.

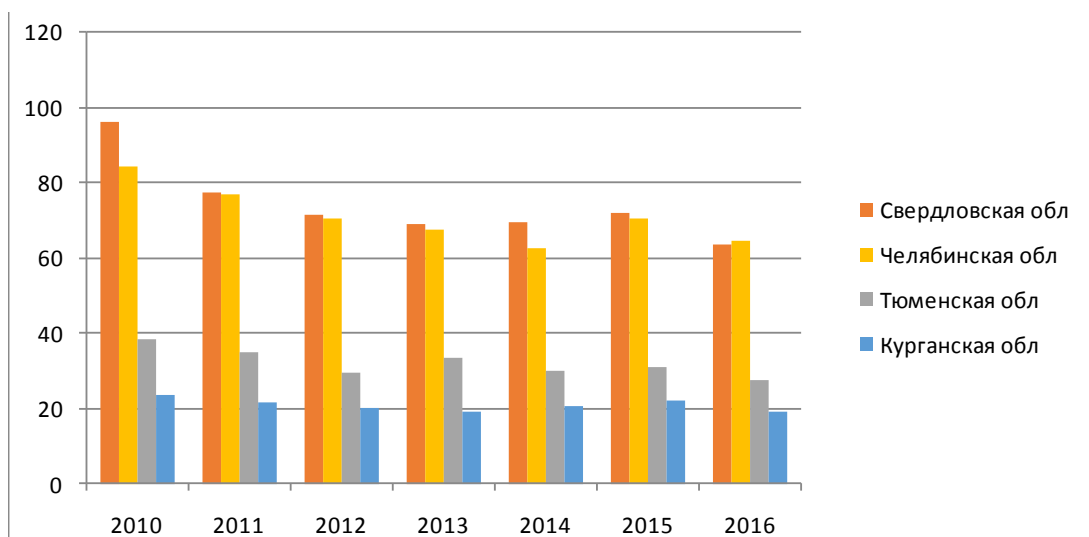

Таблица 2

Количество потерпевших на территории УрФО за 2010 – 2016 гг.

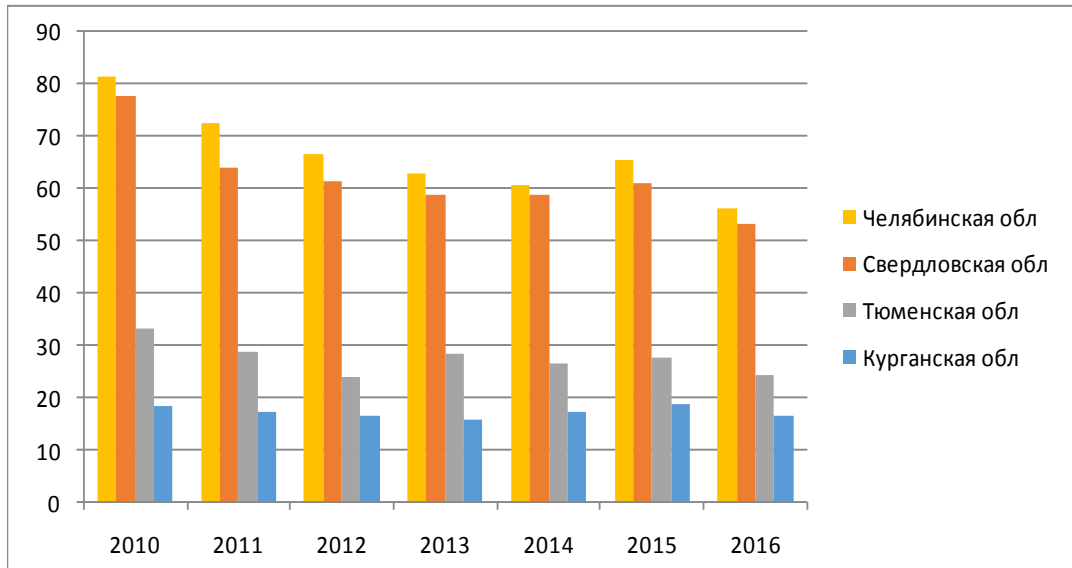
Регион/Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
УрФО	247 481	217 830	199 382	194 763	190 719	200 197	174 267
Курганская область	18 589	17 288	16 657	15 788	17 222	18 717	16 789
Свердловская область	77 718	64 037	61 473	58 968	58 662	61 086	53 440
Тюменская область (без а/о)	33 293	28 786	24 183	28 425	26 747	27 760	24 570
Челябинская область	81 243	72 639	66 590	63 075	60 850	65 658	56 165

тели виктимологической картины преступности в УрФО. Наибольшее количество потерпевших было зарегистрировано в 2010 г. – 247,4 тыс., в 2016 г. число потерпевших на территории УрФО составило 174,2 тыс. человек. При этом следу-

В целях рассмотрения уровня виктимности отметим, что виктимологией выделяются общий и специальные коэффициенты виктимности: 1) общий (по лицам на 1 тыс. (либо 10 тыс., 100 тыс.) человек); 2) специальные (всех жертв пре-

Диаграмма 2

Соотношение количества потерпевших на территории УрФО за 2010 – 2016 гг.

ет отметить, что в УрФО наблюдается четкая тенденция снижения количества лиц, признанных потерпевшими по уголовным делам, исключение составляет Курганская и Тюменская области.

Анализируя виктимологическую ситуацию и используя при этом лишь абсолютные величины не позволяет представить истинную картину о виктимизации на территории УрФО. Используя полученные данные, мы предлагаем рассмотреть уровень виктимности в областях рассматриваемого региона и с этой целью определить коэффициент виктимности для последующего его сравнения.

ступлений; всей совокупности преступлений; отдельных видов преступлений; общей латентной и рецидивной виктимности; латентной и рецидивной виктимности по видам преступлений).

Общий коэффициент виктимности (по лицам) исчисляется из количества потерпевших от преступлений (жертв) за определенный период времени на той или иной территории и общего количества населения в расчете на 1 тыс. (либо 10 тыс., 100 тыс.) человек.

Расчет данного показателя производится в относительных цифрах по формуле:

Таблица 3

Коэффициент виктимности на территории УрФО за 2010-2016 гг.

Регион/Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
УрФО	20,3	17,9	16,4	16,0	15,7	16,4	14,7
Курганская область	21,3	19,8	19,1	18,1	19,7	22,2	20,3
Свердловская область	17,9	14,7	14,2	13,6	13,5	14,1	12,3
Тюменская область (без а/о)	24,4	21,1	17,7	20,8	19,6	19,3	17,6
Челябинская область	23,2	20,7	19,0	18,0	17,3	18,7	16,0

$$Кв = \Pi / N \times 1000,$$

где Π – число потерпевших;

N – численность всего населения региона (области).

знанных потерпевшими, или общего количества жертв) как в отношении потерпевших, так и в отношении жертв преступлений, а также для расчета коэффици-

Диаграмма 3

Соотношение коэффициента виктимности населения из расчета на 1 тыс. человек, проживающих на территории УрФО за 2010-2016 гг.

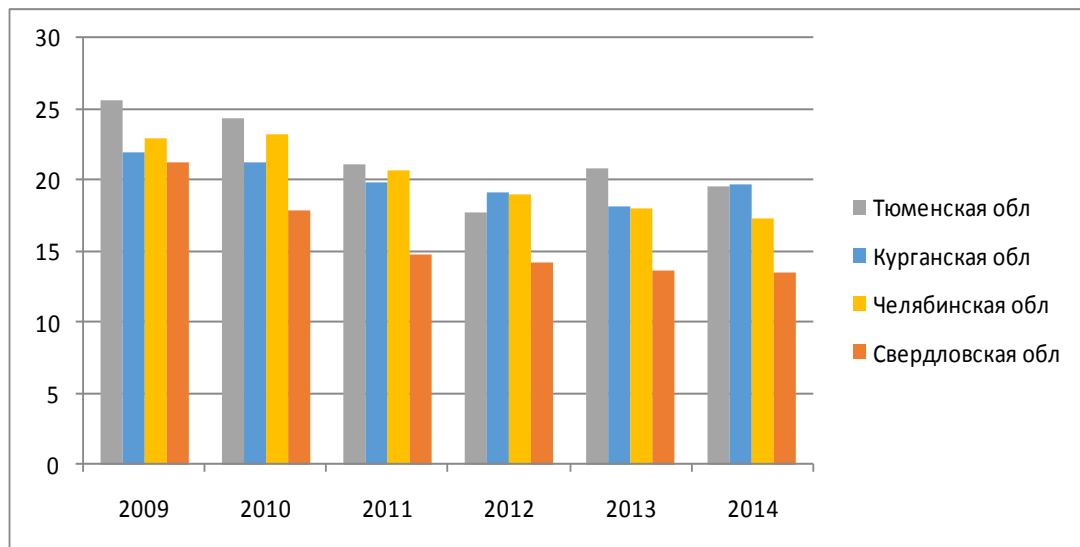
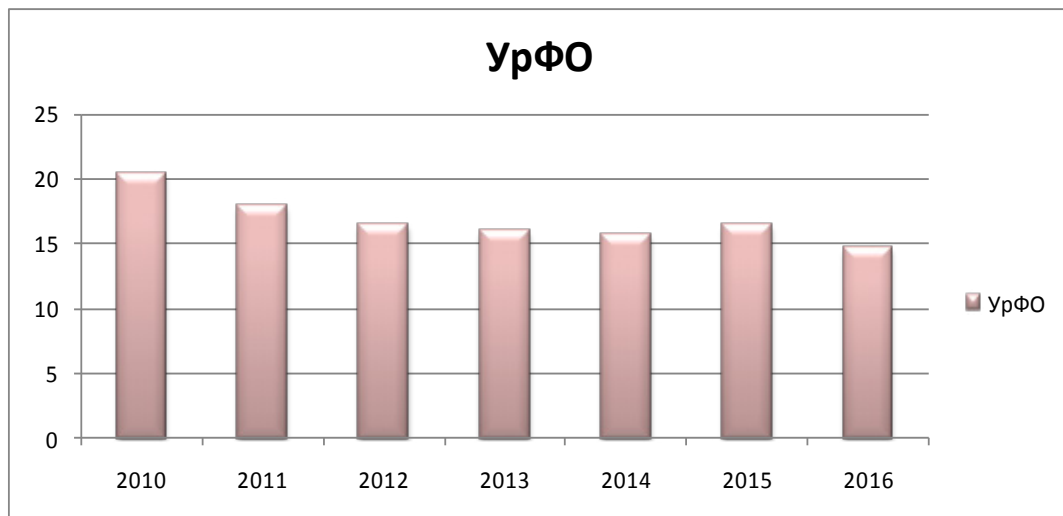

Диаграмма 4

Динамика изменения коэффициента виктимности населения на всей территории УрФО за 2010-2016 гг.

Также существуют формулы для расчета специального коэффициента виктимности, для расчета реального и специального коэффициентов виктимности (учитывающий не только лиц, признанных потерпевшими, но всех жертв преступлений), для расчета коэффициента виктимности всей совокупности преступлений (исходя из количества лиц, при-

знанных потерпевшими, или общего количества жертв) как в отношении потерпевших или жертв данных преступлений.

Мы же остановимся на расчете общего коэффициента виктимности по областям, расположенным на территории УрФО и имеющие наибольшую плотность населения (Табл. 3; Диагр. 3).

Анализируя полученные результаты

о состоянии виктимности в регионе можно наблюдать, что высокие коэффициенты виктимности в 2010 г. зафиксированы в Тюменской и Курганской областях (24,4 и 21,3), минимальное значение этого показателя виктимности можно наблюдать в Свердловской области (17,9). В 2016 г. максимальный показатель коэффициента виктимности можем наблюдать в Курганской области (20,3), тогда как в целом по УрФО коэффициент виктимности равен 14,7. Однако, несмотря на большое количество регистрируемой преступности в городах Свердловской области, коэффициент виктимности населения этого региона имеет наименьшее значение на протяжении всего изучаемого периода и в 2016 г. составляет – 12,3. Следует также обратить внимание и на Курганскую область, статистические данные которой относительно количественных показателей не выделялись при сравнении с другими областями УрФО. Рассматривая же коэффициент виктимности в данной области можно отметить его достаточно высокий показатель по сравнению с Челябинской и Свердловской областями.

Отметим, что полученные данные отражают результаты проведенного исследования, основанного на опубликованных официальных показателях статистики. Полученные результаты и теоретический материал подкреплены данными системного научного опроса и анкетирования, проводимых в период с 2011 по 2016 гг. на территории УрФО. Такого рода исследования имели место в целом по России, в Московской области, в Центральном регионе России, на юге нашей страны, а также в Сибирском федеральном округе [См., напр.: 1].

Основная цель проводимого опроса – определить отношение граждан к состоянию преступности, к оценке уровня своей защищенности и обеспечения безопасности своей и своих близких от угроз криминального характера; установить источники получаемой информации о состоянии преступности и мерах по обеспечению безопасности, в том числе виктимологического характера; выявить возможные причины виктимизации населения.

Источником исследования послужили два опросных листа, в которых респондентам предлагалось ответить на конкретные вопросы. Первый опросный лист адресован представителям правоохрани-

тельных органов (сотрудникам полиции, следственного комитета, прокуратуры и т.д.), а второй – различным слоям населения (учащимся, служащим, рабочим, ведущим свой бизнес, пенсионерам и т.д.). Группы респондентов выделялись в соответствии с категориями граждан, принимающих участие в опросе: с одной стороны, это люди, имеющие юридическое образование и обладающие знаниями правовых норм, с другой – граждане, не имеющие специальных познаний в правовой области. Такая градация опрошенных была проведена с учетом специфики нашего исследования, а также опроса и включенных в него вопросов. Отметим, что чаще в своих ответах люди опирались на полученные в процессе жизни знания, закрепленные в их концептуальном сознании. Все данные опроса тщательно обрабатывались и, в зависимости от частотности, структурировались иерархически (от наиболее к наименее частотным ответам).

Посредством сбора первичной информации было проанкетировано более 400 человек в возрасте от 21 года. Большая часть респондентов являлась социально активным слоем населения – 25-40 лет (около 70%), а 25% анкетированных – лица, имеющие значительный жизненный опыт, возраст которых старше 50 лет.

Среди респондентов были проанкетированы лица мужского (46%) и женского (54%) пола, более 60% которых состоят в зарегистрированном браке или проживают совместно. Высшее образование имеют около 60% опрошенных, среднее специальное – более 20% и остальные имеют среднее полное образование, при этом обучаются в высшем учебном заведении.

В ходе анкетирования выяснилось, что респонденты, оценивая уровень преступности в своем регионе, считают его высоким – 78%, при этом, по замечанию 63% респондентов, уровень безопасности общества при этом находится на среднем уровне, а уровень личной защищенности 65% опрошенных считают низким. Вместе с тем большинство респондентов, оценивая свои возможности, полагают, что самостоятельно не могут обеспечить безопасность свою и своих близких – более 60% ответов.

Для нашего исследования особый интерес представляли вопросы, связанные с мерами по обеспечению безопасности и

Коэффициент виктимизации на территории УрФО за 2016 г.

Территория	Коэффициент виктимизации (Квз)	
	2014 г	2016 г
Курганская область	27,7	28,4
Свердловская область	18,9	17,2
Тюменская область (без а/о)	27,5	24,6
Челябинская область	24,3	22,4
УрФО	21,9	20,7

мерами виктимологической профилактики, применяемой правоохранительными органами, а также вопросы об источниках получения криминогенной и виктимологически значимой информации. В рамках данной статьи приведем лишь часть вопросов, которые были заданы респондентам, а также содержались в анкетах.

На вопрос: «Вам известны меры виктимологической профилактики, применяемые правоохранительными органами?» – ответили положительно лишь те, кто имеет юридическое образование (и то только 90%). Лица, не имеющие юридического образования, затруднялись ответить на этот вопрос. Вопросы об известных мерах безопасности, применяемых правоохранительными органами, о правозащитных организациях, также вызвали трудности у респондентов без специального образования.

Отвечая на вопрос «Откуда вы получаете информацию о преступности и мерах по профилактике преступлений?» – все опрошенные ответили равномерно, указав на «телевидение и радио», большинство респондентов (60%) указали, что получают такую информацию «от друзей, знакомых, соседей», и лишь 34% – «интернет ресурсы» и «СМИ и интернет сайты МВД» (как правило, лица, имеющие или получающие юридическое образование).

Среди опрошенных на третий по значимости вопрос – «Были ли Вы жертвой преступных посягательств?» – 30% ответили положительно, указав на преступления против здоровья (20%) и против собственности (80%), при этом 3% респон-

дентов отказались отвечать на данный вопрос. Но при этом 40% ответивших положительно не обращались в правоохранительные органы, посчитав вред незначительным либо указав на то, что самостоятельно разрешили ситуацию и виновный им возместил причиненный ущерб. Однако 90% всех опрошенных ответили, что знают, куда можно либо необходимо обращаться при возникшей угрозе безопасности своей и своих близких.

Полученные результаты в ходе нашего исследования с определенной долей условности позволили определить долю латентных жертв, которые не были учтены в данных официальной статистики. Полагаем, если принять полученный результат, в рамках анкетирования, о латентных жертвах – 40%, то можно определить искомый изначально коэффициент виктимизации на территории УрФО.

Коэффициент виктимизации (Квз) был рассчитан по следующей формуле:

$$\text{Квз} = \frac{\text{П} + \text{ЛЖ}}{\text{N}} \times 1000,$$

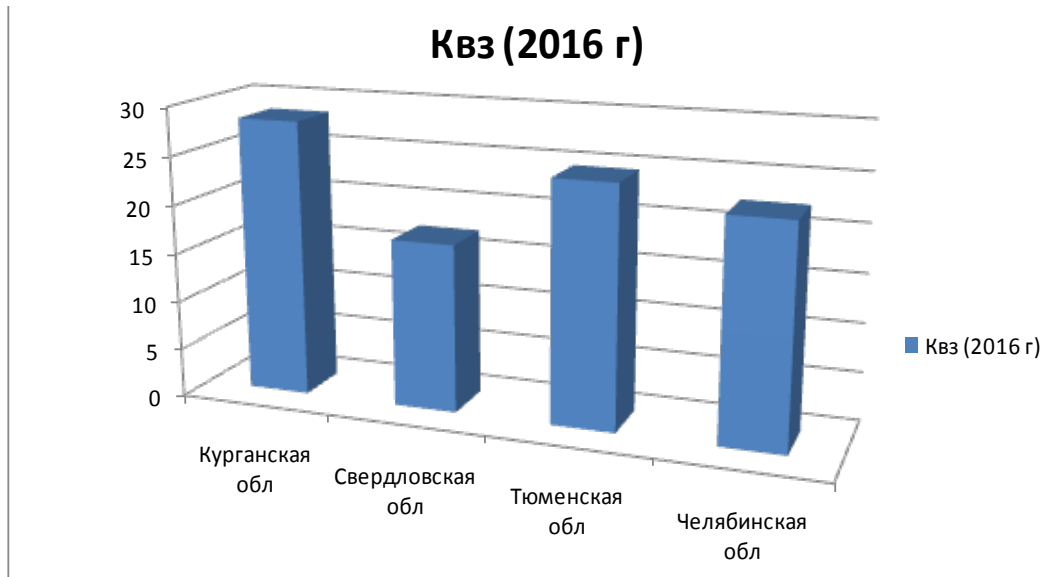
где Квз – коэффициент виктимизации;
П – число учтенных жертв (потерпевших);

ЛЖ – число латентных жертв; N – все население независимо от возраста;

1 тыс. (10 тыс. или 100 тыс.) – показатель размерности изучаемого коэффициента.

Результаты полученные из расчета по указанной выше формуле представлены в Таблице 4 и Диаграмме 4.

Уровень виктимизации населения на территории УрФО за 2016 г.

Результаты расчета коэффициента виктимизации на территории УрФО в 2016 году позволили нам выявить области с повышенным уровнем данного показателя – Курганская и Тюменская области – 28,4 и 24,6. Виктимологическая ситуация на территории Свердловской области, несмотря на большую плотность населения, характеризуется наименьшим коэффициентом виктимизации в обществе, снизился этот показатель и составил 17,2. Челябинская область имеет среднее значение коэффициента виктимизации – 22,4. В целом же по УрФО значение коэффициента виктимизации снизилось с 21,9 [См.: 3] до 20,7, что указывает на положительную динамику в сфере противодействия преступности в регионе.

Проведенное нами исследование не противоречит, а подтверждает в целом российские статистические данные, опубликованные в открытых официальных источниках, а также данные получаемые в результате проведения подобного рода виктимологических исследований в других регионах. Увеличение количества обращений граждан свидетельствует о развитии процесса виктимизации общества, а также указывает на тот факт, что происходит снижение уровня защищенности

населения в отдельных регионах.

Полагаем, что анализ виктимологически значимых показателей на сегодняшний день возможен с определенной долей условности. При этом, как отмечают исследователи «... получение информации должно иметь форму не точечных исследований, а комплекса мероприятий, направленных на получение количественных и качественных характеристик не только потерпевших, которым причинен физический, имущественный и моральный вред, но жертв противоправных деяний» [13, с. 12].

Изучение показателей виктимизации позволяет не только вырабатывать практические меры профилактического воздействия на потенциальных жертв преступлений, внести коррективы в федеральные и региональные программы по профилактике преступности, но и сформулировать проекты новых или измененных уголовно-правовых норм, способных усилить влияние уголовного закона на криминальную ситуацию в стране, а также предопределить общее направление уголовной политики государства [См.: 5, с. 216-222; 6, с. 9] в рамках обеспечения Национальной безопасности Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Опыт измерения уровня виктимизации населения Нижегородского региона // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, №3. С. 175–186.

2. Майоров А.В. Особенности криминогенной виктимизации общества: на примере Уральского Федерального округа // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 5. С. 188–191.

3. Майоров А.В. Современный анализ виктимизации в обществе (на примере Уральского Федерального округа) // Виктимология. 2015. № 2 (4). С. 59–69.

4. Майоров А.В. Виктимологическая модель противодействия преступности : монография. – М.: Юрлитинформ. – 2014.

5. Майоров А.В. Виктимологические аспекты уголовной политики в России / Сборник мат. всеросс. науч.-практ. конф. Преступность, уголовная политика, закон. – Российская криминологическая ассоциация. 2016. С. 216–222.

6. Майоров А.В. Назаров В.И. Виктимология вчера, сегодня, завтра // Виктимология. 2014. №1(1). С. 6–12.

7. Майоров А.В. Особенности криминогенной виктимизации современного общества (на примере Уральского Федерального округа) // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 59–65.

8. Официальный сайт МВД России URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/804701/>.

9. Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – Л., 1975.

10. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002.

11. Ривман Д.В., Устинов В.С. Виктимология. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2000.

12. Сайт «Академик» : URL – <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/90817/>

13. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации : Криминологический и уголовно-правовой справочник / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре РФ ; ВНИИ МВД России, Департамент уголовного розыска МВД России ; под общ. ред. А.Я. Сухарева, С.И. Гирько. М. : Экзамен, 2007.

14. Туляков В.А. Виктимология: социальные и криминологические проблемы. Одесса: Юридична література, 2000.

15. Франк Л.В. Потерпевший от преступлений и проблемы развития отечественной виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977.

МАЙОРОВ Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Челябинский государственный университет, г. Челябинск; доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург
E-mail: AV_Majorov@mail.ru

Mayorov A.V.

STATE OF CRIMINOGENIC VIKTIMIZATION ON THE TERRITORY OF THE URAL FEDERAL DISTRICT IN THE PERIOD 2010-2016

In this article, it is offered to discuss a question of criminogenic victimization of society in modern conditions, on the example of Ural federal district including Kurgan, Sverdlovsk, Tyumen and Chelyabinsk regions. Within the issued question, the author sees possible to estimate a condition of criminogenic victimization of society and degree of its security, and also to provide a certain forecast of development of victimization in our country on the basis of official statistics about a condition of crime and already existing forecasts of its development.

Keywords: *victimization, victim, victimological situation, victimology, crime, criminal statistics, crime rate*

MAYOROV Andrey Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Prosecutorial Oversight and Organization of Law Enforcement Activity, "Chelyabinsk State University", Chelyabinsk; Associate professor of the criminal law of the Ural State Law University, Ekaterinburg
E-mail: AB_Majorov@mail.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права ФГБОУ ВО «ЧелГУ» приглашает Вас принять участие в **Международной научно-практической конференции «Особенности воздействия на виктимизацию в современном обществе»**. Конференция состоится 15 мая 2017 г. в Челябинском государственном университете (форма участия заочная).

На конференции планируется обсудить следующие вопросы:

1. Виктимизация современного общества.
2. Последствия виктимизации.
3. Жертвы преступлений и иных правонарушений.
4. Жертвы-правонарушители.
5. Виктимологическая профилактика: проблемы и перспективы.
6. Особенности организации виктимологической профилактики в деятельности полиции.
7. Судебная защита жертв преступлений.
8. Поддержка жертв: существующая практика, проблемы и перспективы.
9. Государственные схемы компенсационных выплат жертвам.
10. Жертвы вооруженных конфликтов.
11. Международное законодательство и права жертв.

Перечень обсуждаемых вопросов и научных может быть расширен в рамках общей темы конференции.

Для участия в конференции необходимо до 10 мая 2017 года:

1) заполнить и выслать по электронной почте (victimology@mail.ru) заявку на участие в конференции (Приложение 1);

2) направить на указанный выше адрес электронной почты подготовленную в соответствии с указанными требованиями статью.

Для студентов, магистрантов и аспирантов обязательно наличие рецензии научного руководителя (направляется скан-копия либо фото подписанной научным руководителем рецензии).

Представленные на конференцию научные статьи, соответствующие требованиям актуальности, новизны и оригинальности, будут рекомендованы к опубликованию в рецензируемых научно-практических журналах «**ВИКТИМОЛОГИЯ**» (РИНЦ).

Контактная информация:

Тел.: (351)799-71-84 – кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности (заведующий кафедрой Майоров Андрей Владимирович, преподаватель Хохрякова Элина Александровна).

E-mail: labour@csu.ru

Направляя и подписывая данную заявку, я _____

(Фамилия Имя Отчество)

выражаю согласие на то, что представление рукописи статьи в адрес оргкомитета конференции является конклюдентным действием, направленным

Приложение 1

Заявка

на участие в Международной научно-практической конференции «Особенности воздействия на виктимизацию в современном обществе»

Фамилия, имя, отчество	
Организация / ВУЗ адрес	
Тема доклада (статьи)	
Должность / ученое звание, ученая степень (при наличии)	
Телефон, e-mail	

на передачу исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение версии в открытом доступе в сети Интернет и в научных электронных базах данных.

Также предоставляю в адрес оргкомитета конференции свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п. Оргкомитет имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Дата

Подпись

Требования к оформлению статей

Статья объемом **5-15 страниц** в текстовом редакторе MicrosoftWord, формат rtf, шрифт **Times New Roman**, размер **шрифта 14** через **1,5 интервала**, сноски в квадратных скобках, в Примечание к статье, с указанием порядкового номера источника и номера страницы, поля: сверху, снизу и справа – 20 мм, слева – 30 мм.

В начале текста, в правом верхнем углу страницы, указывается фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание (при наличии), вуз, E-mail, а также фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание научного руководителя (при наличии). Далее по центру заглавными буквами – название статьи, через строчку аннотация (5-7 предложений) и ключевые слова (5-7 слов). Список источников размещается в конце статьи в виде Примечания. В тексте статьи допускаются рисунки, таблицы и схемы. Страницы не нумеруются.

Просим Вас соблюдать указанные выше правила оформления материалов.

Полученные материалы не возвращаются.

Оргкомитетом конференции предусмотрено также опубликование Программы конференции и Сборника материалов конференции в электронном виде. Режим доступа к электронному ресурсу будет указан по итогам проведения конференции на сайте www.csu.ru

Адрес оргкомитета конференции:
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», Институт права,
454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, ауд. 321 (тел.: 799-71-84).

DEAR COLLEAGUES,

The Department of Public Prosecution and Law Enforcement Management of the Institute of Law, Chelyabinsk State University, is pleased to invite the academic community to participate in the International Scientific and Practical Conference in absentia “**Affecting Victimization in Modern Society: Characteristic features**”, which will be held on May 15, 2017 at Chelyabinsk State University.

We welcome the submission of research papers related to the following topics:

1. Victimization of the modern society.
2. Aftermath of Victimization.
3. Victims of Crimes and Other Offences.
4. Offenders as Victims of Crime.
5. Victimological Preventive Measures: Current Issues and Prospects.
6. Peculiarities of Victimological Preventive Measures Taken by the Police.
7. Advocacy of Crime Victims.
8. Support for Victims: Existing Practice, Current Issues and Prospects.
9. State Schedules of Compensatory Payment for Victims.
10. Victims of Armed Conflicts.
11. International Legislation and Victims' Rights.

We also welcome works of other topics within the framework of the general scope of the conference.

To participate in the conference, please fill in and send the preliminary registration form (Appendix 1) and submit your paper to the following email: victimology@mail.ru. Submissions violating paper submission guidelines will not be considered.

Registration and Paper Submission Deadline is May 10, 2017.

For undergraduate and graduate students the reference of the research advisor is required (a scanned copy or a photograph of the signed reference is to be sent as an attached file).

Accepted papers will be recommended for publishing in the “**Victimology**” scholarly journal indexed in RSCI (Russian Science Citation Index).

Contacts:

Tel.: +7(351)799-71-84 – Department of Public Prosecution and Law Enforcement

Management (Andrei V. Mayorov,

Head of the Department; Elina A. Khokhryakova, lecturer).

E-mail: labour@csu.ru

By signing and submitting this registration form, I _____

Surname, name, patronymic

Appendix 1

Preliminary Registration Form for the International Scientific and Practical Conference “Affecting Victimization in Modern Society: Characteristic features”

Surname, name, patronymic (if any)	
Affiliation, address	
Paper topic	
Position / academic rank, academic degree (if any)	
Contact phone number, e-mail	

give my voluntary consent to submit the manuscript to the organizing committee of the conference and thereby transfer my exclusionary rights to the manuscript, including the reproduction right, the distribution right, the right to open access publishing in the Internet and in scientometric electronic databases.

I further give consent to provide my personal data (surname, name, patronymic (if any), academic qualification, place of employment and current position) to the organizing committee for indefinite period of time for the purpose of processing and retaining in various databases and information systems; including these data in analytical and statistical reports; establishing links between personal data and works of scientific, literary and artistic importance, etc. The organizing committee is entitled to transfer the data to third parties.

Date

Signature

Appendix 2

Paper submission guidelines

All papers should be **5 to 15 pages** in size, MS Word, .rtf, **Times New Roman**,

font size 14, 3 cm margin on the left, 2 cm on each other side, **line space 1.5**. References should be included in the main text of the paper in square brackets, indicating the order in which they appear in the text and page number, e.g. [1. p. 32].

First and last names, academic degree, academic rank (if any), affiliation, e-mail of the author (as well as of the research advisor, if any), are to be written in the upper-right corner, right alignment.

Below, after a single line space, is a **headline** in capital letters, center alignment.

Below, after a single line space, is an **abstract** (5 to 7 sentences).

Below, after a single line space, are **key words** (5 to 7 words).

Reference list is given at the end of the paper under the headline **References**. **Figures, graphs** and **schemes** relevant to

the content are allowed. Pages are **not** to be numbered.

Please follow these guidelines to ensure your paper is reviewed. Once submitted, the paper cannot be withdrawn.

The conference programme, as well as the electronic version of the conference proceedings, will be available on the conference website. For access to the electronic resources visit www.csu.ru (access to be provided as a follow-up to the conference).

Organizing Committee address:

Chelyabinsk state University

Institute of Law

Room 321, 129 Bratiev Kashirinykh

str.,

454001 Chelyabinsk,

the Russian Federation

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ «ВИКТИМОЛОГИЯ»

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшиеся и не предназначенные к одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике журнала и требованиям по оформлению статей. Текст для публикации объемом **5–15 страниц формата А4**

должен быть подписан автором (соавторами) следующим образом: *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»*. Ставя свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание своей статьи редакции и выражает свое согласие на размещение в базе РИНЦ.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- УДК (обязательно перед текстом рукописи).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и на английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и на английском языках.
- Аннотация (от 5 до 7 строк) и список ключевых слов в именительном падеже (5–7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Редактор – **Microsoft Word (.doc)**. Шрифт (гарнитура) – **Times New Roman**.
- Размер шрифта (кегель) – **14**, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 11.
- Абзацный отступ («красная строка») – **1,0 см**.

- Межстрочный интервал – **полуторный**. Выравнивание текста – **по ширине**.
- Автоматическая расстановка переносов допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в виде списка в конце текста. В тексте в квадратных скобках дается ссылка на порядковый номер списка (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся используемой литературой или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

К РУКОПИСИ НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) по представленной на сайте издания форме.

3. Для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рецензия, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения (оригинал или отсканированную копию оригинала).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты:
victimology@mail.ru.

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.

Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 1(11) / 2017

Дата выхода в свет 30.03.2017. Формат 70×108 1/16.

Усл.-печ. л. 7,0. Тираж 300 экз. Заказ № 468/484.

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.

454080, г. Челябинск, пр. им. В. И. Ленина, 76

VICTIMOLOGY

No. 1(11) / 2017

Date of publication of the 30.03.2017. Format 70×108 1/16.

Conventional printed sheet 7,0. Circulation – 300 issues. Order No 468/484.

Open price.

Printed in the printing house of the Publishing Center of SUSU.

76, Lenina Str., Chelyabinsk, 454080